

С О Ф И
КИНСЕЛЛА

#моя
[не]идеальная
жизнь

Шопоголик и другие

Софи Кинселла

#моя [не]идеальная жизнь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

#моя [не]идеальная жизнь / С. Кинселла — «Эксмо»,
2017 — (Шопоголик и другие)

ISBN 978-5-699-94749-2

Кэт Бреннер – энергичная, талантливая, очаровательная сотрудница маркетингового агентства. Она многого добилась: переехала в город мечты, нашла любимую работу и не намерена останавливаться на пути к успеху. Кэт обожает свою яркую и насыщенную жизнь, которую постоянно демонстрирует в Instagram на зависть другим. Но это только одна сторона действительности, пропущенная через радужные фильтры. На самом деле жизнь Кэт Бреннер не так уж и прекрасна. Она одинока в чужом городе, не ладит с соседями в тесной квартирке, на съем которой тратит практически всю зарплату. И страдает оттого, что не может сделать жизнь такой же идеальной, какой выставляет ее в социальных сетях. Но может, количество лайков, стильные вещи и дизайнерские украшения – это не то, что делает тебя счастливым? Кэт скоро поймет, что из моды выходит все, кроме любви.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-94749-2

© Кинселла С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Софи Кинселла

#моя [не]идеальная жизнь

Ники Кеннеди

Sophie Kinsella

My Not So Perfect Life

Copyright © 2017 by Madhen Media Ltd.

All rights reserved.

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2017

Часть 1

Глава 1

Первое: могло быть и хуже. Да, сообщение могло быть гораздо хуже, и об этом следует помнить. Второе: оно того стоит. Я *хочу* жить в Лондоне, *хочу* здесь работать, а сообщение – часть сделки. Это неотъемлемая часть Лондона, как Тейт Модерн.

(На самом деле, ничего похожего на Тейт Модерн. Неудачный пример.)

Мой папа всегда говорит: если ты не можешь бежать вместе с большими собаками, сиди у крыльца. А я хочу бежать вместе с большими собаками – и поэтому я здесь.

В любом случае я даже получаю удовольствие от двадцатиминутной прогулки к станции. Серый декабрьский воздух колом стоит в горле, но мне хорошо. День начался. Я в пути.

Мое пальто достаточно теплое, хотя оно стоит всего 2,99 фунта и куплено на блошином рынке. На нем был ярлык «КРИСТИН БИОР», но я срезала его, как только вернулась домой. Там, где я работаю, нельзя носить пальто с ярлыком «Кристин Биор». У вас должен быть винтажный ярлык «Кристиан Диор» или что-нибудь японское. Ярлыка может и не быть, если вы сами шьете себе одежду из ретротканей, купленных в «Алфиз Антикс».

Но только *не* «КРИСТИН БИОР»!

Когда я приближаюсь к Кэтфорд-Бридж, то начинаю напрягаться. Я *действительно* не хочу сегодня опаздывать. Мой босс теперь отпускает колкие замечания насчет людей, которые «никогда не торопятся». Поэтому я вышла на двадцать минут раньше – на случай, если выдастся плохой день.

И я уже понимаю: день просто ужасный.

В последнее время с нашей линией много проблем, и то и дело без предупреждения отменяют поезда. Беда в том, что в Лондоне в час пик нельзя просто так *отменять поезда*. Что остается делать людям, которые планировали сесть на этот поезд? Испариться?

Проходя через автомат, сразу вижу ответ. Люди толпятся на платформе, поглядывая на табло с информацией и бросая друг на друга враждебные взгляды.

О боже! Наверное, отменили по крайней мере два поезда. Похоже, набралось народу на целых три поезда, и вся эта толпа сгрудилась у края платформы. Сейчас середина декабря, но здесь и не пахнет Рождеством. Все слишком напряженные и замерзшие, и на них как бы написано крупными буквами: «понедельник». Единственные праздничные штрихи – это жалкие китайские фонарики и объявления на стене о работе транспорта в рождественские каникулы.

Собравшись с духом, присоединяюсь к толпе и, когда на станции появляется поезд, с облегчением вздыхаю. Не то чтобы я надеялась *сесть* в этот поезд. (Сесть в первый поезд? Не смешите меня!) К запотевшим окнам прижаты изнутри лица людей, а когда двери открываются, выходит всего одна женщина, изрядно помятая.

Но несмотря на это, толпа бросается вперед. Каким-то образом часть людей втискивается в поезд, и тот отъезжает. Я немного продвинулась вперед на платформе. Теперь мне только нужно удерживать свои позиции и ни в коем случае не позволять этому тощему парню с волосами, смазанными гелем, пролезть передо мной. Я вынула из ушей наушники, чтобы слушать объявления, и стою насмерть.

В лондонском транспорте – как на войне. Это постоянная борьба за захват территории, за каждый дюйм. Здесь ни на минуту нельзя расслабляться: если расслабишься, кто-нибудь прошмыгнет мимо тебя. Или наступит *на* тебя.

Ровно через одиннадцать минут подходит второй поезд. Я устремляюсь вперед вместе с толпой, стараясь не обращать внимания на саундтрек из сердитых возгласов: «Вы можете пройти вперед?», «Внутри есть место!», «Нужно всего лишь пройти вперед!».

Я заметила, что у людей внутри поезда совершенно другое выражение лица, чем у тех, кто на платформе. Особенно у тех, кому удалось занять сидячее место. Они словно переваляли через горы в Швейцарию. У них виноватый взгляд, но в нем читается вызов: *«Я знаю, что вы там, снаружи; я знаю, что это ужасно, – а я уютно устроился внутри. Но я тоже страдал, так что дайте мне спокойно, без этих чертовых угрызений совести, читать мой Kindle, о 'кей?»*

Толпа волнуется, и вдруг кто-то подталкивает меня. Я чувствую у себя на спине пальцы – и вдруг ступаю на пол вагона. Теперь мне нужно ухватиться за какую-нибудь железяку и использовать ее в качестве рычага. Как только ты одной ногой в поезде – считай, что уже внутри.

Мужчина у меня за спиной, по-видимому, очень сердит: я слышу, как он громко ругается. И вдруг позади меня прокатывается что-то вроде людского цунами. Я испытала это всего пару раз, и это было ужасно. Меня тащит вперед, и я не касаюсь ногами пола. Когда двери поезда закрываются, я оказываюсь втиснутой между двумя парнями – один в костюме, второй в трексьюте¹ – и девушкой, которая ест панини.

Нас так плотно прижало, что девица держит панини примерно в двух дюймах от моего лица. Каждый раз, как она откусывает, мне в нос ударяет запах песто. Но я старательно не обращаю внимания. И на девушку. И на двоих мужчин. Хотя я чувствую теплое бедро парня в трексьюте и могу сосчитать жесткие волоски у него на шее. Когда поезд приходит в движение, нас постоянно стучает друг о друга. Но никто не смотрит в глаза друг другу. Я думаю, если в метро на кого-нибудь помотришь, то вызовут полицию.

Чтобы отвлечься, пытаюсь спланировать остаток своего маршрута. Когда я прибуду на Ватерлоо-Ист, нужно выбирать между Джубили-Дистрикт (на это уйдет сто лет), Джубили-Сентрал (придется долго идти от метро) и Оверграунд (еще дольше).

Да, если бы я только *знала*, что в конечном счете буду работать в Чизвике, то не стала бы снимать квартиру в Кэтфорде. Но я приехала в Лондон на стажировку в его восточной части. (В объявлении это место назвали «Шордич», но это не Шордич.) В Кэтфорде низкие цены, и он расположен не слишком далеко. А теперь мне просто не по карману цены западной части Лондона, да и сообщение не *такое* уж плохое...

– Ай! – вскрикиваю я, когда поезд резко дергается.

Меня швыряет вперед. Девушку тоже швыряет, и не успеваю я оглянуться, как в мой открытый рот попадает конец ее панини.

Я в таком шоке, что никак не могу прийти в себя. У меня во рту полно теплого рыхлого теста и подтаявшей моцареллы. Как же такое могло произойти?

Мои зубы инстинктивно сжимаются, и я тут же жалею об этом. Хотя... Что же мне еще оставалось делать? С полным ртом смотрю на нее.

– Простите, – бормочу я, но выходит «потите».

– Какого черта? – обращается к вагону девушка, не веря своим глазам. – Она же ворует мой завтрак!

Я вся покрываюсь испариной. Это плохо. *Плохо*. Что же мне теперь делать? Откусить от панини? (Нехорошо.) Просто выпустить изо рта? (Еще хуже.) Из этой ситуации нет никакого выхода.

Наконец я откусываю кусок от панини, и мое лицо горит от смущения. Рот набит чужим клейким хлебом, и мне приходится жевать под взглядами всего вагона.

¹ Специальный костюм для парашютного спорта. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Мне действительно жаль, – неловко извиняюсь я перед девушкой, как только удастся проглотить злосчастный кусок. – Надеюсь, вы с удовольствием съедите остальное.

– *Теперь* он мне не нужен. – Она злобно смотрит на меня. – На нем теперь ваши микробы.

– Ну, мне ваши микробы тоже не нужны! Моей вины тут нет: я просто упала на панини.

– Ах, вы *упали!* – повторяет она со скептическим видом.

– Да, конечно! А вы вообразили, что я сделала это *нарочно?*

– Кто знает? – Она заслоняет рукой панини, словно я могу броситься и откусить еще один кусок. – В Лондоне полно всяких странных людей.

– Я не странная!

– Можешь упасть на *меня*, дорогая, – с ухмылкой предлагает парень в трексьюте. – Только не жуй, – добавляет он, и весь вагон хохочет.

Я заливаюсь краской, но не собираюсь реагировать. Фактически инцидент исчерпан.

Следующие пятнадцать минут я сурово смотрю прямо перед собой, замуравившись в своем маленьком замкнутом мирке. На Ватерлоо-Ист все мы вываливаемся из поезда, и я с облегчением вдыхаю холодный дымный воздух. Быстрым шагом направляюсь к метро, выбрав Джубили-Дистрикт. В дверях я присоединяюсь к толпе и, бросив взгляд на часы, тяжело вздыхаю. Я добираться уже сорок пять минут, но до места назначения еще далеко.

Когда кто-то наступает мне на ногу острым каблуком, передо мной вдруг возникает картинка из прошлого. Я вижу, как папа открывает дверь нашей кухни, выходит во двор, широко раскидывает руки, словно обнимая поля и бескрайнее небо, и говорит: «Самое быстрое сообщение в мире, дорогая. Да, самое быстрое сообщение в мире». Когда я была маленькой, то не знала, что он имеет в виду, но теперь...

– Проходите! Вы будете проходить *вперед?* – Мужчина у меня за спиной орет так оглушительно, что я вздрагиваю.

Состав прибыл, и, как обычно, начинается борьба между теми, кто внутри вагона, и теми, кто снаружи. Первые полагают, что он полностью забит, а последние прикидывают опытным взглядом, что в вагон легко могут войти еще человек двадцать.

Наконец я влезаю в вагон, а потом с боем выхожу у Вестминстер. Там жду поезда линии Дистрикт и медленно тащусь в нем до Тэрнхем-Грин.

Выйдя из метро, я смотрю на часы и пускаюсь бегом. Черт возьми! У меня меньше десяти минут.

Наш офис – большое светлое здание под названием Филлимор-Хаус. Ближе к цели перехожу на шаг, но сердце все еще бешено колотится. Я натерла мозоль на левой пятке, но главное – я это сделала! Я пришла вовремя. Как по волшебству, лифт ждет, и я вхожу в него, пытаюсь пригладить волосы. Они растрепались, когда я неслась как сумасшедшая по Чизвик-Хай-Роуд. В целом на дорогу ушло час двадцать минут. А могло быть хуже...

– Подождите!

При звуках этого властного голоса я холодею. Через вестибюль шагает знакомая фигура. Длинные ноги, сапоги на высоком каблуке, байкерская курточка и короткая оранжевая юбка. И сразу же одежда на всех остальных в лифте становится старой и убогой. Особенно моя черная юбка-джерси за 8,99 фунтов.

У нее изумительные брови. Некоторым людям от рождения даны изумительные брови, и она одна из них.

– Кошмарная дорога, – говорит она, входя в лифт. У нее хриловатый поставленный голос, в котором звучит медь. С таким голосом не тратят время на пустяки. Она тыкает намянутой пальчиком в кнопку с номером этажа, и мы начинаем подъем. – На перекрестке Чизвик-лейн красный горел целую вечность. У меня ушло двадцать пять минут на то, чтобы добраться сюда из дома. *Двадцать пять минут!*

У нее взгляд орла, который собирается спикировать на жертву, и до меня доходит, что она ждет ответа.

– О, – произношу я слабым голосом. – Вам не повезло.

Двери лифта открываются, и она выходит. Я следую за ней, созерцая ее идеальную прическу и вдыхая аромат духов (сделанных для нее по заказу в фирме «Анник Гуталь» в Париже, где она отмечала пятилетнюю годовщину свадьбы).

Это мой босс. Это Деметра. Женщина, у которой идеальная жизнь.

Я не преувеличиваю, когда говорю, что у Деметры идеальная жизнь. Поверьте мне – это правда. *У нее есть все, чего можно хотеть от жизни.* Работа, семья, крутость во всем. Все тип-топ. И даже имя. Оно такое особенное, что ей не нужно утруждаться, называя фамилию (Фарлоу). Она просто *Деметра*. Как *Мадонна*. «Привет! – говорит она по телефону своим поставленным голосом. – Это Де-мееее-тра».

Ей сорок пять, и уже больше года она занимает должность исполнительного креативного директора в «Купер Клеммоу». «Купер Клеммоу» – брендинговое агентство. У нас есть несколько довольно крупных клиентов. В кабинете Деметры полно наград и фотографий в рамках, на которых она запечатлена вместе со знаменитостями. Имеется здесь и выставка продукции, для которой она создавала бренды.

Это высокая, стройная брюнетка с блестящими волосами и, как я уже упоминала, изумительными бровями. Я не знаю, сколько Деметра зарабатывает, но она живет в Шепардз-Буш, в потрясающем доме, за который явно заплатила больше двух миллионов (как поведала мне моя подруга Флора).

Флора также рассказала, что Деметра привезла из Франции дубовый паркет для своей гостиной, который стоил *целое состояние*. Флора ближе всех ко мне по должности: она криейтор А еще она неиссякаемый источник сплетен о Деметре.

Однажды я даже пошла посмотреть на дом Деметры – просто случайно оказалась в этом районе. Я знала адрес – так почему же не взглянуть на дом босса? (О’кей, а теперь начистоту: я знала только название улицы. Номер дома я погуглила, когда там оказалась.)

Конечно, он удручающе хорош. Выглядит как дом из журнала. И это *действительно* дом из журнала. Его фотографию напечатали в «Livingetc». Был там и снимок самой Деметры: она стоит в своей белоснежной кухне, элегантная и креативная, в блузке из ретро-ситца.

Я немного постояла, рассматривая дом. Не то чтобы я завидовала – скорее задумалась. Это была задумчивость, смешанная с легкой печалью. Парадная дверь изысканного серовато-зеленого оттенка – несомненно, «Фарроу энд Болл» либо «Литл Грин». Дверной молоток в старинном стиле, в форме львиной головы, и элегантные светло-серые ступени, ведущие к парадной двери. Все остальное тоже весьма впечатляет: крашенные оконные рамы и модные жалюзи, а в саду – деревянный дом на дереве. Но меня заворожили именно парадная дверь и ступени. Только вообразите: спускаться каждый день по красивой каменной лестнице, как принцесса из сказки. Как изумительно начиналось бы каждое утро!

Во дворе перед домом – два блестящих новеньких автомобиля: серый «Ауди» и черный «Вольво SUV». Все, что принадлежит Деметре, либо блестящее, новенькое и «в тренде» (дизайнерская соковыжималка), либо старинное, подлинное и опять же «в тренде» (старинное деревянное ожерелье, которое она привезла из Южной Африки). Пожалуй, «подлинный» – самое любимое слово Деметры: она использует его примерно тридцать раз в день.

Конечно, Деметра замужем, и, *конечно*, у нее двое детей: мальчик по имени Хэл и девочка по имени Коко. У нее миллион друзей, которых она знает «целую вечность». Она постоянно бывает на вечеринках, разных мероприятиях и на присуждении премий за дизайн.

Порой она вздыхает и говорит, что это у нее третий выход в свет за неделю. И восклицает: «Это бесконечное обжорство – сущее наказание!», переобуваясь в туфли от «Миу-Миу». (Я выбрасываю в мусорный контейнер множество упаковок Деметры, так что по ярлыкам вижу, одежду каких фирм она носит. «Миу-Миу». «Марни». «Дрис ван Нотен». И много вещей от «Зара».) А потом у нее загораются глаза – и не успеешь оглянуться, как ее фотографии уже в фейсбуке, на странице «Купер Клеммоу», и в твиттере, и повсюду: Деметра в крутом черном топе (вероятно, «Хельмут Ланг» – его она тоже любит), сияющая, идеальная, с бокалом вина в руке, в обществе знаменитых дизайнеров.

Не думайте, что я *завидую*. Разве что чуть-чуть. Я не хочу быть Деметрой. Мне не нужны ее вещи. Ведь мне всего двадцать шесть лет – что бы я стала делать с «Вольво SUV»?

Но когда я смотрю на нее, то чувствую что-то вроде булавочного укола... И думаю: а могла бы это быть я? Когда-нибудь? Если я заработаю достаточно денег, будет ли у меня такая жизнь, как у Деметры? И дело не только в вещах, но и в уверенности. Стил. Утонченность. Связи. Даже если бы у меня ушло на это двадцать лет, я бы не возражала. Я была бы в экстазе! Скажи мне кто-нибудь: «Если ты будешь упорно трудиться, то через двадцать лет будешь жить так же», – я бы моментально взяла старт и рванула вперед.

Однако это невозможно. Этого не будет никогда. Говорят о карьерной лестнице, но нет такой лестницы, которая привела бы меня в жизнь Деметры, как бы упорно я ни трудилась.

Я имею в виду два миллиона за дом.

Два миллиона!

Однажды я подсчитала. Предположим, банк даст мне в кредит эту сумму (разумеется, ничего подобного они не сделают). При моей нынешней зарплате, чтобы вернуть кредит, мне понадобится 193,4 года (и, знаете ли, нужно еще дожить).

Когда это число появилось на экране калькулятора, я громко рассмеялась. Несколько истерическим смехом. Люди говорят о разрыве поколений, но скорее это пропасть. Большой Каньон поколений. И нет такой лестницы, которая привела бы меня в жизнь Деметры. Разве что случится что-то экстраординарное: выигрыш в лотерее, или наследство от богатых родственников, или какая-нибудь гениальная идея, на которой я заработаю состояние. (Не думайте, что я не пытаюсь. Каждый вечер я провожу в попытках изобрести новый тип бюстгальтера или низкокалорийную карамель. Однако пока что ничего не выходит.)

Итак, я не могу сделать своей целью жизнь Деметры. Но можно взять из нее все, что можно. Я буду наблюдать за Деметрой, изучать ее, стараться стать на нее похожей.

А также стараться *не стать* на нее похожей.

Потому что – разве я об этом не упоминала? – она просто какой-то кошмар. Она идеальна – и в то же время она кошмар. И то и другое.

Я как раз включаю свой компьютер, когда Деметра входит в наш опенспейс, прихлебывая соевый латте.

– Люди! – говорит она. – Люди, послушайте.

Это еще одно любимое слово Деметры: «люди». Она входит в нашу комнату, говорит «Люди!» театральным голосом, – и мы все отрываемся от своих дел, ожидая важного объявления. А на самом деле ей нужно что-то такое, что знает только один из нас. Но поскольку она вряд ли помнит, кто из нас чем занимается и даже как нас зовут, ей приходится обращаться ко всем.

Ладно, я слегка преувеличиваю. Но не очень сильно. Я никогда не встречала людей с такой ужасной памятью на имена, как у Деметры. Флора однажды сказала, что у Деметры действительно проблема: она не узнаёт лица, но не хочет признать этот факт. Считает, что это не отражается на ее работе.

Еще как отражается!

И еще одно. Пусть она не узнаёт лица, но уж помнить имена она может? Я здесь семь месяцев, и клянусь, что она все еще не знает, как меня зовут: Кэт или Кейт.

На самом деле я Кэт. Кэт – уменьшительное от Кэтрин. Потому что... Потому что это крутое уменьшительное имя. Оно короткое и энергичное. Оно звучит современно. Оно лондонское. Это я. Кэт. Кэт Бреннер.

Привет, я Кэт.

Привет, я Кэтрин, но зовите меня Кэт.

О'кей, а теперь начистоту. Это *не совсем* я. Пока что. Я все еще наполовину Кейти. Я стала называть себя «Кэт» с тех пор, как начала здесь работать, но почему-то еще не совсем привыкла к этому имени. Иногда я не сразу реагирую, когда люди окликают меня «Кэт».

Но я исполнена решимости быть Кэт. Я *буду* Кэт. Это мое новенькое, лондонское имя. У меня было три разных места работы в жизни (ну хорошо, два из них были стажировкой), и каждый раз я создавала новый имидж. Переход от Кейти к Кэт – просто последний этап.

Кейти – это я дома, в Сомерсете. Розовощекая кудрявая сельская девчонка, которая вечно ходит в джинсах и веллингтонах² и вся в шерсти после кормления овец. Девчонка, чья вся светская жизнь ограничена местным пабом. Девчонка, которую я оставила в прошлом.

Сколько себя помню, мне всегда хотелось вырваться из Сомерсета. Я хотела в Лондон. На стене моей спальни никогда не было мужских рок-групп – у меня висела карта лондонского метро. Плакаты с «Лондонским глазом»³ и «Огурцом»⁴.

Первая стажировка, которую мне удалось получить, была в Бирмингеме. Это тоже большой город, с магазинами, гламуром, шумными улицами... Но это не *Лондон*. У него нет *лондонского духа*, от которого у меня замирает сердце. Очертания зданий на фоне неба. История. Ты проходишь мимо Биг-Бена и слышишь его бой на самом деле. Стоишь на тех самых станциях подземки, которые видела в миллионах фильмов о Лондонском блище⁵. Сознаешь, что ты в одном из лучших городов мира. Жить в Лондоне – это все равно что жить в фильме: диккенсовские закоулки, сверкающие кварталы с башнями, потайные площади с садиками. Тут вы можете быть кем вам угодно.

В моей жизни очень мало вещей, которые входят в первую десятку любого всемирного рейтинга. У меня нет ни шикарной работы, ни шикарного гардероба, ни шикарной квартиры. Но я живу в городе, входящем в первую десятку. Люди со всего света хотели бы жить в Лондоне. И я теперь здесь. Вот почему мне неважно, что, добираясь до работы, я прохожу все круги ада, а в моей спальне всего три квадратных фута. *Зато я здесь.*

Я попала сюда не сразу. Единственное предложение, которое я получила после университета, было от крошечной маркетинговой фирмы в Бирмингеме. Перебравшись туда, я сразу же начала создавать новый имидж. Я подстригла челку. Каждый день выпрямляла волосы и укладывала их узлом. Купила очки в черной оправе с прозрачными линзами. Я стала выглядеть по-другому. Я чувствовала себя другой. Я даже сменила макияж: карандаш для губ и жидкая подводка для глаз.

(У меня ушел целый уик-энд на то, чтобы научиться пользоваться подводкой для глаз. Это ничуть не легче тригонометрии. Почему нас не учат *этому* в школе? Если бы я правила страной, то у нас были бы курсы по предметам, которые действительно пригодятся в жизни. Например: *Как подводить глаза. Как заполнять налоговую декларацию. Что делать, когда засорился унитаз, к вам скоро придут гости, а папин телефон не отвечает.*)

² Резиновые сапоги (с голенищем ниже колена).

³ Колесо обозрения, популярный аттракцион в Лондоне.

⁴ Небоскреб в Лондоне.

⁵ Бомбежка Лондона – ночные налеты немецкой авиации в 1940–1941 годах.

Именно в Бирмингеме я решила избавиться от своего западноанглийского акцента. Однажды я сидела в кабинке туалета и услышала, как две девушки перемывают мне косточки. *Кейти с Ферреры* – так они меня называли. Да, это было очень обидно. Хотелось выскочить из кабинки и крикнуть: «А я не думаю, что ваш бирмингемский акцент лучше!»

Но я этого не сделала. Я просто сидела и изо всех сил думала. Это была проверка на прочность. К тому времени, как я получила свою вторую стажировку, я уже была другим человеком. Поумнела. И больше не напоминала Кейти Бреннер с Энстерз-Фарм.

А теперь я Кэт Бреннер из Лондона. Кэт Бреннер, которая работает в крутом офисе с белыми сверкающими столами, модными стульями и вешалкой для пальто в виде обнаженного мужчины. (Эта вешалка вызывает шок у всех, кто впервые к нам приходит.)

– Люди! – в третий раз зовет Деметра, и офис затихает.

Нас тут десять человек, и у всех разные должности. Этажом выше – плановый отдел и еще одна группа криейторов, которая напрямую связана по работе с Адрианом, генеральным директором. Плюс еще офис управления талантами, финансовый отдел и прочее. Но мой мир на этом этаже, я в самом низу. Я зарабатываю гораздо меньше остальных, и у меня самый маленький стол. Нужно же с чего-то начинать. Это моя первая оплачиваемая работа, и я каждый день благодарю свою счастливую звезду. И, знаете ли, у меня интересная работа. По-своему.

Я имею в виду, что это зависит от того, как ты понимаешь слово «интересный». Сейчас я работаю над захватывающим проектом для фирмы «Кофивайт». Занимаюсь исследованиями. А к чему это сводится на самом деле...

Ладно, нужно понимать, что нельзя же сразу приступить к чему-то гламурному. А вот папа этого не понимает. Он всегда спрашивает, выдвигаю ли я собственные идеи? Встречаюсь ли с випами? Хожу ли каждый день на шикарные бизнес-ланчи? Это просто смешно.

Я ощетиливаюсь, когда он говорит, качая головой: «И ты действительно счастлива в «Большом дыму»⁶, Кейти, дорогая?» Да, я действительно счастлива. Но это не значит, что мне легко. Папа ничего не знает ни о моей работе, ни о Лондоне, ни об экономии. Скажем, о том, сколько стоит стакан вина в баре. Я даже скрыла, сколько плачу за квартиру, так как знаю, что именно он скажет. Он скажет...

О господи! Дыши глубже. Простите, если я отклонилась от темы, сделав лирическое отступление о своем папе. После окончания университета, с тех пор как я уехала, наши отношения несколько осложнились. Папа не понимает, почему я сюда перебралась, и никогда не поймет. Я могу попытаться объяснить, но если вы не чувствуете Лондон, то видите только уличное движение, смог и высокие цены. И горюете, что ваша дочь предпочла уехать и теперь в сотне миль от вас.

У меня был выбор: не следовать велению своего сердца – или разбить его сердце. Думаю, в конечном счете я слегка надбила оба наших сердца. Другим этого не понять, потому что они считают нормальным уехать из дома. Но другие – это не мы с папой, мы жили вдвоем все эти годы.

Впрочем, вернемся к работе. Люди на моей должности не встречаются с клиентами – это делает Деметра. Или Роза. Они ходят на ланчи и возвращаются взволнованные, с покрасневшими щеками и бесплатными образцами. Потом обсуждают свой поход, обычно вместе с Марком и Лиз, а иногда к ним присоединяется Адриан. Он не просто генеральный директор, но еще и соучредитель «Купер Клеммоу». Его кабинет – этажом ниже. (Был еще один соучредитель, Макс, но он рано вышел в отставку и уехал на юг Франции.)

Адриан удивительный. Ему около пятидесяти, у него копна волнистых волос цвета стали, он носит джинсовые рубашки и выглядит как человек из семидесятых. (Полагаю, в

⁶ Шутливое название Лондона.

каком-то смысле так оно и есть.) И он довольно известен. Например, в Кингз-Колледж⁷, на Стрэнде, выставлены фотографии бывших питомцев этого учебного заведения, и там есть Адриан.

Ну, вот и все главные игроки. Но я – совсем в другой категории. Как я уже говорила, я занимаюсь исследованиями. А это означает, что *на самом деле* на этой неделе я...

Впрочем, должна вас предупредить, что это не гламурно. Правда, на самом деле все не так уж плохо.

Я ввожу в компьютер данные – результаты большого опроса потребителей, который мы проводим для «Кофивайт». Вопросы о кофе, порционных сливках, капучино – словом, обо всем. Две тысячи анкет, заполненных от руки, по восемь страниц каждая. Почему бумага? *Никто* теперь уже не заполняет бумажные анкеты. Но Деметра хотела придерживаться «старой школы». Дело в том, что она прочитала какое-то исследование, где говорилось, что когда люди пишут ручкой, они на двадцать пять процентов откровеннее, чем онлайн. Словом, что-то в этом духе.

И вот результат: у меня пять полных коробок с анкетами.

Это несколько утомительно, потому что в анкетах одни и те же вопросы, а участники пишут ответы шариковыми ручками, причем не всегда четко. Но есть и приятная сторона: это исследование сформирует весь проект! Флора причитает надо мной: «Боже мой, бедная Кэт, какой кошмар!» Однако на самом деле это восхитительно.

Я имею в виду, что можно *сделать* это восхитительным. Мне интересно угадывать уровень доходов людей на основании того, как они отвечают на вопрос о «густоте пены». И знаете что? Обычно я оказываюсь права. Это все равно что читать мысли. Чем больше я ввожу в компьютер эти ответы, тем больше узнаю о потребителях. По крайней мере, я на это надеюсь...

– Люди! Какого черта происходит с «Трекбикс»?

Голос Деметры снова врывается в мои мысли. Она стоит на своих высоченных каблуках, нервно проводя рукой по волосам. На лице – привычное выражение нетерпения и досады. Она как бы вопрошает: «Что такое с этим миром?»

– Я лично написала несколько замечаний об этом. – Она копается в своем телефоне, игнорируя нас. – Я знаю, что написала.

– Я не видела никаких замечаний, – говорит Сара, как всегда, тихо и сдержанно.

Святая Сара, как называет ее Флора. Сара – секретарь Деметры. У нее роскошные рыжие волосы, которые она завязывает в «лошадиный хвост», и красивые белоснежные зубы. Она из тех, кто сам шьет себе одежду, – это великолепные ансамбли в ретро-стиле пятидесятых, с юбками-колокол. И я не представляю себе, как ей удастся не сойти с ума.

Деметра – самая рассеянная особа в мире. Почти каждый день она теряет документы или путает время встречи. Сара с Деметрой всегда очень терпелива и вежлива, но ее досада проявляется в том, как она кривит губы. Она наловчилась посылать сообщения за Деметру голосом Деметры. Сара спасает ситуацию, извиняясь и все заглаживая.

Я знаю, что Деметра завалена работой. Плюс ей нужно думать о семье, о школьных концертах и так далее. Но как же можно быть такой несобранной?

– Я нашла. Но почему это в моей *личной* папке? – Деметра поднимает глаза от телефона. Взгляд растерянный, как это иногда с ней бывает, – словно все только и хотят ее запутать.

– Вам просто нужно сохранить это под... – Сара пытается взять у Деметры телефон, но та вырывает его.

– Я умею обращаться с телефоном! И это не главное. Главное то, что...

⁷ Имеется в виду Кингз-Колледж-Скул, мужская привилегированная частная школа в Лондоне.

Она резко останавливается, и все мы ждем с замиранием сердца. Это еще одна особенность Деметры. Она начинает какую-нибудь интригующую фразу, а затем останавливается на середине, словно ее батарейки приказали долго жить. Я смотрю на Флору, и она закатывает глаза.

– Да-да, – продолжает Деметра. – Так что же происходит с «Трекбикс»? Потому что я думала, что Лиз напишет ответ на их имейл. Но я только что получила новый имейл от Роба Кинсейда. Он спрашивает, почему от нас ничего не слышно. Итак? – Она поворачивается к Лиз, наконец-то определившись, кто именно ей нужен. – Лиз? Где он? Вы обещали мне сделать план к сегодняшнему утру. – Она тычет пальцем в свой телефон. – Это есть в моих записях с последнего совещания в понедельник. «Лиз пишет план». Первое правило обращения с клиентом, Лиз?

Держать клиента за руку, думаю я про себя, но не произношу вслух. (Это было бы уж слишком.)

– Держать клиента за руку, – с пафосом произносит Деметра. – Держать *все время*. Чтобы он чувствовал себя уверенно каждую минуту. *Только тогда* у вас будет счастливый заказчик. А вы не держите Роба Кинсейда за руку, Лиз. Его рука болтается, и он не чувствует себя счастливым.

Лиз краснеет:

– Я еще работаю над этим.

– Еще?

– Нужно ввести много данных.

– Ну что же, работайте быстрее. – Деметра хмуро смотрит на Лиз. – И сначала пришлите мне на одобрение, а не отправляйте сразу Робу. К ланчу, о'кей?

– О'кей, – с сердитым видом бормочет Лиз.

Она редко делает что-то не идеально. Лиз – менеджер проектов. У нее на столе – безупречный порядок. Свои светлые прямые волосы она каждый день моет шампунем с запахом яблока. А еще она ест много яблок. Почему-то я никогда прежде не связывала эти два факта. Странно.

– Где же этот мейл от Роба Кинсейда? – Деметра копается в своем телефоне. – Он исчез из моей почты.

– А вы не стерли его по ошибке? – спрашивает Сара. – Я снова перешлю его вам.

Это еще один кошмар Сары. Деметра постоянно стирает имейлы по небрежности, а потом они ей срочно нужны, и она начинает бесноваться. Сара говорит, что тратит полжизни на пересылку имейлов Деметре. Слава богу, хоть у одной из них аккуратно сохраняются файлы.

– Вот он. – Сара щелкает мышкой. – Я переслала вам имейл Роба. Вообще-то я пересылаю вам все его письма – на всякий случай.

– Спасибо, Сара. – Деметра успокаивается. – Ума не приложу, куда пропал этот мейл... – Она смотрит на свой телефон, но Сару этот вопрос, по-видимому, не интересует.

– Деметра, я сейчас иду на курсы первой помощи, – сообщает она и берет свою сумку. – Я говорила вам об этом? Что я состою в подразделении первой помощи?

– Хорошо. – У Деметры ошеломленный вид: она явно забыла. – Вы просто молодец! Итак, Сара, прежде чем вы уйдете, давайте уточним... – Она проверяет свой телефон. – Сегодня вечером – Лондонские премии за бренды в области питания... Мне нужно днем сходить в парикмахерскую...

– Не получится, – перебивает Сара. – Днем вы плотно заняты.

– *Что?* – Деметра отрывает взгляд от телефона. – Но я записалась к парикмахеру.

– На завтра.

– *На завтра?* – в ужасе переспрашивает Деметра, и взгляд ее блуждает. – Нет, я записалась на понедельник.

– Взгляните на ваш календарь. – Чувствуется, что у Сары кончается терпение. – Это был вторник, Деметра, *вторник*.

– Но мне нужно срочно покрасить корни. Я могу что-нибудь отменить сегодня днем?

– Придут люди, которые занимаются полентой. А потом – команда из «Грин Тин».

– Черт! – Деметра делает гримасу. – Черт!

– А через пятнадцать минут у вас селекторное совещание. Я могу идти? – с кротким видом спрашивает Сара.

– Да, да, идите. – Деметра машет рукой. – Спасибо, Сара. – Она удаляется в свой кабинет со стеклянными стенами, повторяя: – *Черт, черт*. О! – Она снова появляется. – Роза, насчет логотипа «Сенсикво». Нам нужно попробовать более крупный кегль в пунктах. Это пришло мне в голову по дороге сюда. И аквамариновый кружок. Вы можете поговорить с Марком? А где же Марк? – Она с недовольным видом смотрит на его стол.

– Он сегодня работает дома, – отвечает Джон, младший криейтор.

– А, – недоверчиво произносит Деметра. – Ну ладно.

Деметра не одобряет работу дома. Она говорит, что когда вы все время исчезаете, теряется контакт с людьми. Но Марк включил этот пункт в свой контракт еще до появления Деметры, так что она ничего не может сделать.

– Не беспокойтесь, я ему скажу, – заверяет Роза, строка в своем блокноте. – Размер шрифта, аквамарин.

– Прекрасно. Ах да, Роза. – Деметра снова высовывает голову из кабинета. – Я хочу обсудить обучение кодированию Пайтона. Все в офисе должны уметь кодировать.

– *Что?*

– Кодировать! – нетерпеливо повторяет Деметра. – Я прочитала статью в «Хаффингтон пост». Включите это в повестку дня следующего заседания.

– О'кей. – У Розы удивленный вид. – Кодирование. Прекрасно.

Деметра закрывает дверь, и все облегченно вздыхают. Такова уж Деметра. Совершенно непредсказуема. Поспевать за ходом ее мыслей весьма утомительно.

Роза лихорадочно набирает что-то в телефоне. Я знаю, что она посылает Лиз издевательскую эсэмэску о Деметре. И конечно же, через минуту звякает телефон Лиз, и она кивает Розе.

Я не совсем постигла офисные политические течения – это все равно что пытаться понять сюжет мыльной оперы, когда начинаешь смотреть с середины. Но знаю, что Роза претендовала на должность Деметры и ее не получила. Я также знаю, что как раз перед моим появлением они серьезно поссорились. Роза хотела участвовать в крупном одноразовом проекте, который запустил мэр Лондона. Это был проект по созданию бренда каких-то спортивных соревнований. Мэр набрал команду из креативных агентств по всему городу. «Ивнинг стандарт» назвала это «витриной для самых ярких талантов Лондона». Но Деметра не позволила Розе участвовать в этом проекте: заявила, что Роза нужна ей для другого дела. Это было явное вранье. С тех пор Роза страстно ненавидит Деметру.

По теории Флоры, Деметра панически боится, что ее обгонят молодые сотрудники, и поэтому она ни за что никому не поможет. Если вы попытаетесь забраться на карьерную лестницу, она наступит вам на пальцы своими острыми каблуками от «Миу Миу». Розе явно не терпится уйти из «Купер Клеммоу», но на рынке сейчас нет спроса. Таким образом, бедная Роза остается в нашем офисе с ненавистным боссом, постоянно испытывая отвращение к своей работе. Это заметно по ее сгорбленным плечам и нахмуренному лбу.

Марк тоже терпеть не может Деметру. Эту историю я тоже знаю. Предполагается, что Деметра должна руководить командой дизайнеров. *Руководить*, а не делать все самой. Но

она ничего не может с собой поделывать. Ее конек – дизайн. Дизайн и упаковка. Она знает невероятное количество шрифтовых гарнитур. Порой она прерывает заседание, чтобы продемонстрировать какой-то дизайн упаковки, который, по ее мнению, будет иметь успех. И это всегда что-то великолепное. Но и тут не без проблем, так как Деметра идет напролом.

Например, в прошлом году фирма «Купер Клеммоу» обновляла бренд увлажняющего крема под названием «Дренч», и у Деметры возникла идея сделать светло-оранжевую упаковку с белой надписью. Это был настоящий хит, и мы получили множество призов. И все бы хорошо, если бы не Марк, который возглавляет команду дизайнеров. Он уже разработал другой дизайн, но Деметра вылезла со своей «оранжевой» идеей на встрече с клиентом. А Марк, конечно, обиделся.

Но Деметра даже не заметила, что Марк разозлился. До нее такие вещи не доходят. *Все о'кей – классная работа в команде – вперед, к следующему проекту!* И это действительно был такой хит, что Марку грех жаловаться. Я имею в виду, в некотором смысле ему повезло: за этот новый бренд он получил признание. Теперь может включать его в свое резюме и все такое. И тем не менее он точит на Деметру зуб и говорит о ней таким саркастическим тоном, от которого меня передергивает.

Все в офисе знают, что Марк действительно талантлив. Например, он получил очень престижную премию за инновацию. Но Деметра, судя по всему, даже не сознает, какой у нее потрясающий руководитель команды дизайнеров. Лиз тоже не очень-то довольна, но она с этим мирится. А вот Флора все время злословит о Деметре. Впрочем, не исключено, что она просто любит сплетничать. Насчет других я не уверена.

Что касается меня, то я еще новичок. Я здесь всего семь месяцев и пока что не рискую высказывать собственное мнение. Но у меня есть амбиции, есть идеи, и мой конек – дизайн, особенно типографика. Вообще-то, на собеседовании мы с Деметрой говорили именно об этом.

Когда к нам в офис попадает новый проект, я сразу загораюсь. У меня в ноутбуке накопилось много наработок, сделанных в свободное время. Логотипы, концепции дизайна, документы по стратегии брендов... Я постоянно посылаю их Деметре, а она каждый раз обещает, что *непрерывно* взглянет на них, когда урвет минутку.

Все говорят, что не стоит надоедать Деметре – иначе она может выйти из себя. Я терпеливо выжидаю – так при серфинге ждут волну. Вообще-то, я занимаюсь серфингом и знаю, что волна придет. Когда будет подходящий момент, я привлеку внимание Деметры. Она взглянет на мою работу, и все будет о'кей. Я понесусь по волнам, управляя своей жизнью.

Я беру следующую анкету из кипы, и тут в комнату входит Ханна. Это еще один из наших дизайнеров. Слышится общий вздох, и Флора, повернувшись ко мне, вздыхает брови. В пятницу бедной Ханне пришлось уйти домой, так как она действительно плохо себя чувствовала. За последние два года у нее было пять выкидышей. Она стала нервной, и иногда у нее случаются панические атаки. Так было и в эту пятницу, и Роза посоветовала ей отправиться домой и отдохнуть. По правде говоря, Ханна – настоящий трудоголик. Я видела ее имейлы, отправленные в два часа утра. Она заслуживает небольшой передышки.

– Ханна! – восклицает Роза. – С тобой все в порядке? Не переутомляйся сегодня.

– Я прекрасно себя чувствую, – заверяет Ханна и проходит на свое место, избегая взглядов. – Прекрасно.

Она сразу же открывает какой-то документ и начинает работать, отпивая из бутылочки с отфильтрованной водой из-под крана. («Купер Клеммоу» занималась этим брендом, так что такие бутылочки стоят на столах у всех.)

– Ханна! – Деметра появляется в дверях своего кабинета. – Вы снова в офисе. Молодец!

– Я прекрасно себя чувствую, – повторяет Ханна.

Она явно не хочет, чтобы на нее обращали внимание, но Деметра подходит прямо к ее столу.

– Пожалуйста, не расстраивайтесь, Ханна, – говорит она своим звучным голосом. – *Никто* не считает, что вы ведете себя, как какая-нибудь королева драмы. Так что не беспокойтесь об этом.

Она дружески кивает Ханне, затем возвращается в свой кабинет и закрывает дверь. Все мы лишаемся дара речи, а у бедной Ханны абсолютно потерянный вид. Как только за Деметрой закрывается дверь, она поворачивается к Розе.

– Вы все считаете, что я драматизирую? – взволнованно осведомляется Ханна.

– Нет! – восклицает Роза, и я слышу, как Лиз бормочет: «*Чертова* Деметра».

– Послушай, Ханна, – продолжает Роза, направляясь к столу Ханны. Она наклоняется и смотрит Ханне прямо в глаза, – тебя просто «одеметрили».

– Верно, – соглашается Лиз. – Одеметрили.

– Это случается со всеми нами. Она бесчувственная корова и порет чушь. А ты просто *не слушай*, о'кей? Ты действительно молодец, что сегодня пришла, и все мы это ценим. Правда? – Она обводит взглядом комнату, и раздаются аплодисменты. Щеки Ханны порозовели от удовольствия.

– Черт бы побрал Деметру, – заключает Роза и направляется к своему столу, сорвав еще более бурные аплодисменты.

Уголкем глаза я вижу, как Деметра выглядывает из своего офиса со стеклянными стенами. Наверное, ее интересует, что происходит, и мне ее немного жаль. Она действительно ни о чем не догадывается.

Глава 2

Следующий час все мирно работают. У Деметры в кабинете – селекторное совещание. Я занимаюсь анкетами, а Роза передает по кругу ретросладости. И я как раз начинаю прикидывать, в какое время мне сделать перерыв на ланч, когда Деметра снова высовывает голову из кабинета.

– Мне нужны... – Она обводит взглядом комнату и наконец останавливается на мне. – Вы. Что вы сейчас делаете?

– Я? – удивленно спрашиваю я. – Ничего. То есть я имею в виду, что работаю. Я имею в виду...

– Вы не могли бы зайти ко мне и немного помочь кое с чем... – она делает одну из своих знаменитых пауз, – *другим*?

– Да! – отвечаю я, стараясь не выдать своего волнения. – Конечно! Разумеется!

– Через пять минут, о'кей?

– Через пять минут, – киваю я. – Конечно.

Я возвращаюсь к своей работе, но слова расплываются у меня перед глазами, а голова кружится от волнения. *Кое с чем другим*. Это может быть что угодно: новый клиент... сайт... революционная концепция бренда, которую хочет запустить Деметра... В любом случае это мой шанс! Вот она, моя волна!

Я испытываю радостное волнение. Значит, я не напрасно посылала ей все эти имейлы! Наверное, она все время знакомилась с моими идеями и считает, что у меня есть потенциал. Просто ждала идеального, особого проекта...

Мои руки трясутся, когда я вынимаю свой ноутбук и папку с несколькими распечатками, которую держу в ящике стола. От того, что я покажу ей свою последнюю работу, хуже не будет, правда? Я подкрашиваю губы и брызгаюсь духами. Мне нужно выглядеть энергичной и собранной.

Выждав ровно четыре с половиной минуты, поднимаюсь из-за стола. Итак, вперед, на гребень волны! Мое сердце гулко бьется, и все вокруг становится ярче, чем обычно. Но я с небрежным видом прохожу мимо всех столов к двери Деметры. Я крутая. Типа: *«Да мы с Деметрой просто немного поболтаем с глазу на глаз. Собираемся обменяться несколькими идеями»*.

О господи, а вдруг это что-то грандиозное? Перед моим мысленным взором возникает картинка: мы с Деметрой допоздна засиделись в офисе и, уплетая китайскую еду из ресторана, работаем над каким-то потрясающим проектом. Возможно, я буду делать презентацию...

Я смогу рассказать об этом папе. Может быть, я позвоню ему сегодня вечером.

– Гм-м? – Я стучу в дверь Деметры и приоткрываю ее.

– Кэт! – восклицает она. – Чудесно. Заходите. *Надеюсь*, вы не возражаете, если я попрошу...

– Конечно нет! – поспешно отвечаю я. – Что бы это ни было, я с удовольствием. Очевидно, это насчет дизайна фона. Но меня интересует и стратегия, и типографика... и все что угодно...

Ну вот, меня понесло. Остановись, Кейти.

– Хорошо, – с рассеянным видом произносит Деметра и, закончив печатать имейл, отправляет его. Затем поворачивается и с удивлением смотрит на мой ноутбук и папку.

– Зачем все это?

– О! – Я краснею от смущения. – Я просто... Я принесла кое-что... несколько идей...

– Хорошо, положите это куда-нибудь, – говорит Деметра без всякого интереса и начинает копаться в ящике своего стола. – Мне так не хочется просить вас об этом, но я в отчаянном положении. Мое расписание на сегодня – просто кошмар, а вечером у меня эти несчастные премии. Я имею в виду, что могу сама пойти в салон красоты, но мои корни – другое дело, так что...

Я не совсем улавливаю, о чем она говорит. Но в следующую минуту она показывает коробочку, с надеждой глядя на меня. Это краска для волос «Клейрол». У меня мелькает мысль: «Мы создаем новый бренд для «Клейрол»? И я буду участвовать в НОВОМ БRENDE «КЛЕЙРОЛА»? О господи, это КЛАССНО...»

Но сразу же наступает отрезвление. Деметра вовсе не выглядит взволнованной – не похоже, что она собирается переделать международный бренд. У нее скучающий и слегка нетерпеливый взгляд. И наконец до меня доходит смысл ее слов: *...кое-что другое... мои корни – другое дело...*

Я внимательнее смотрю на коробочку. «Краска для волос «Клейрол». Темно-каштановая. Восстанавливает цвет корней за десять минут!»

– Вы хотите, чтобы я...

– Вы просто ангел! – Деметра одаривает меня обворожительной улыбкой. – Это мое единственное окно за весь день. Вы не возражаете, если я отошлю несколько мейлов, пока вы будете это делать? Вам бы лучше надеть резиновые перчатки. Да, и не накапайте на ковер. Может быть, вы найдете какое-нибудь старое полотенце или что-то в этом роде?

Ее корни. Особый, идеальный проект – это окраска ее корней.

Я чувствую себя так, будто на меня обрушилась волна. Я насквозь промокла, меня обвивают водоросли – и я абсолютный лузер. Будем смотреть правде в лицо: она даже не вышла из своего кабинета, чтобы поискать именно меня. Знает ли она на самом деле, кто я?

Когда я выхожу из кабинета Деметры, прикидывая, где бы раздобыть старое полотенце, Лиз отрывается от своего монитора и с интересом смотрит на меня.

– Что это было?

– О, – говорю я и чешу нос, пытаюсь выиграть время. Не могу же я поведать о своем разочаровании! Я просто не нахожу слов. Как же мне могло прийти в голову, что она поручит мне бренд для «Клейрол»? – Она хочет, чтобы я покрасила ей корни, – произношу я небрежным тоном.

– Покрасить ее корни? – переспрашивает Лиз. – *Покрасить?* Ты это *серьезно*?

– Это возмутительно! – вступает в разговор Роза. – Этого *нет* в твоём контракте!

Все в офисе поднимают голову от работы, и я чувствую волну всеобщего сочувствия. Даже жалости.

Я пожимаю плечами:

– Все о'кей.

– Это еще хуже, чем то платье-корсет, – многозначительно произносит Лиз.

Я слышала историю, как однажды вся команда пыталась застегнуть молнию на платье Деметры. Платье было ей мало, но она упорно этого не признавала. (В конце концов им пришлось применить плечики для одежды и грубую силу.) Но корни – самое низкое падение даже по сравнению с этим.

– Знаешь, ты можешь отказаться, – предлагает Роза.

Но хотя Роза – самая воинственная особа в офисе, даже в ее голосе не хватает убежденности. Ведь когда ты самый младший сотрудник в фирме, где такая конкуренция, приходится делать что угодно. Она это знает, и я тоже.

– Нет проблем! – бодро заверяю я. – Я всегда считала, что из меня вышел бы хороший парикмахер. Это мое второе призвание.

Весь офис смеется над шуткой, а Роза угощает меня своим дорожным печеньем из пекарни на углу. Так что все не так уж плохо. Заимствуя бумажные полотенца в дамском туалете, я принимаю решение: нужно воспользоваться шансом. Пусть это не те посиделки, которые я себе представляла, но все-таки мы будем наедине, не так ли? Может быть, это все-таки *моя волна*.

О господи! Какая пакость!

Теперь я точно знаю, что профессия парикмахера – отнюдь не мое второе призвание. Кожа головы других людей *отвратительна*. Даже у Деметры.

Когда я начинаю смазывать корни липкой краской, то старательно отвожу взгляд. Я *не хочу* видеть бледную кожу головы и перхоть, а также думать о том, когда она в последний раз красила корни.

Должно быть, совсем недавно: седины почти нет. Это просто паранойя. Деметра зациклилась на своем возрасте и болезненно воспринимает тот факт, что все мы моложе ее. Но она полностью это компенсирует: например, раньше всех узнает шутки в Интернете, сплетни о знаменитостях, новости брендов и... словом, *всё*.

Деметра всегда всё раздобывает первая. Она достает все гаджеты раньше всех. Она раньше всех получает знаменитую дизайнерскую модель от Н&М. Другие всю ночь стоят в очереди – а у Деметры она *уже* есть.

Или возьмем рестораны. В свое время она работала над брендами очень известных ресторанов, так что у нее миллион связей. В результате Деметра ходит в ресторан только на открытие или когда он еще не открыт и туда пускают только избранных вроде нее. А как только доступ в этот ресторан получает обычная публика или хвалебную рецензию о нем помещают в «Таймс», Деметра ни за что туда не пойдет. Она говорит: «Ну что же, там было недурно – пока его не *испортили*», – и переходит в следующий ресторан.

Деметра вызывает трепет. На нее нелегко произвести впечатление. Ее уик-энд всегда бывает лучше, чем у других, и ее рассказ об отпуске всегда лучше, чем у других. Если кто-то замечает на улице знаменитость, то Деметра либо ходила с этой знаменитостью в школу, либо ее крестница встречается с братом знаменитости.

Но сегодня я не собираюсь трепетать перед ней. Буду вести интеллектуальную беседу, а потом, выбрав нужный момент, сделаю стратегический шаг. Просто нужно решить, каким именно должен быть этот стратегический шаг...

– Все в порядке? – спрашивает Деметра, которая печатает, глядя на монитор и совершенно меня игнорируя.

– Прекрасно! – отвечаю я, снова окуная кисточку в краску.

– Дам вам совет, девочки: не седейте. Это так хлопотно. Хотя... – Она на минуту поворачивается лицом ко мне. – У вас волосы мышиного цвета, так что седина не будет заметна.

– О... – Я начинаю запинаться. – Гм-м...

– Между прочим, как там Ханна? Бедняжка! Надеюсь, мне удалось ее подбодрить.

Деметра с безмятежным видом кивает и отпивает глоток кофе. А я в недоумении смотрю на ее затылок. Так это была попытка *подбодрить* Ханну?

– Э-э... – Я не знаю, что сказать. – Думаю, с ней все в порядке.

– Превосходно! – Деметра с удвоенной энергией принимается печатать, а я говорю себе: *Вперед, Кейти!*

Я здесь. В кабинете Деметры. Только она и я. Это мой шанс.

Покажу ей эскизы дизайна, которые сделала для «Уош-Блю», решаю я. Но я не просто выложу их перед ней на стол, а буду действовать тоньше. Сначала заведу непринужденный разговор, установлю контакт.

В поисках вдохновения смотрю на пинборд Деметры. Я была в этом кабинете всего несколько раз – и всегда бросала взгляд на пинборд: нет ли чего-нибудь новенького? Это что-то вроде сказочной жизни Деметры, подытоженной в коллаже из рисунков, сувениров и даже образчиков ткани. Здесь распечатки дизайнов для созданных ею брендов. Примеры необычных гарнитур. Фотографии керамики и классических образцов средневековой и модернистской мебели.

Имеются здесь и вырезки из прессы, и фотографии Деметры на разных мероприятиях. Фото ее семьи на лыжах, или под парусом, или на живописных пляжах – и все в фотогеничных нарядах. Они выглядят просто идеально. Ее муж, вероятно, – блестящий руководитель какого-то «мозгового центра». Вот он, в черном галстуке, стоит рядом с Деметрой на красной дорожке, нежно поддерживая ее под руку. Выглядит вполне достойно: шикарный интеллект. Деметра никогда бы не согласилась на меньшее.

Может, спросить о детях? Нет, это слишком личное. Мой взгляд блуждает по комнате, в которой повсюду горы бумаг. Это еще один пункт Деметры: она сводит Сару с ума, заставляя распечатывать все имейлы. Я часто слышу, как Сара бормочет за своим столом: «Читай их на своем долбаном экране».

На полке рядом с Деметрой – ряд книг по брендингу, маркетингу и дизайну. В основном это стандартный набор, но есть одна, которую я не читала. Это старая книжка в мягкой обложке с названием «Наше видение». Я присматриваюсь к книге повнимательнее.

– Эта книга, «Наше видение», хорошая? – спрашиваю я.

– Блестящая, – отвечает Деметра, на минуту переставая печатать. – Это серия бесед между дизайнерами восьмидесятых. Очень вдохновляет.

– Не могла бы я... взять ее почитать? – отваживаюсь я.

– Конечно, – Деметра с удивленным видом поворачивается ко мне. – Пожалуйста.

Когда я беру книгу, то замечаю на той же полке маленькую коробочку. Это один из самых известных триумфов Деметры – коробочка «Редферн Рейзинз», с нарядными ручками из красной тесьмы. Теперь все принимают эти ручки как должное, но в то время никто о таком и не помышлял.

– Я всегда удивлялась «Редферн Рейзинз», – говорю я под влиянием порыва. – Как вам удалось пробить эти ручки? Наверное, они дорогие?

– О, они действительно дорогие. – Деметра кивает, не переставая печатать. – Когда я пыталась убедить клиента, это был настоящий кошмар. Но потом все срослось.

«Срослось» – это слабо сказано. Это была сенсация, и продажи «Редферн Рейзинз» резко взлетели вверх. Я читала об этом статьи.

– И как же вы это сделали? – не унимаюсь я. – Как вам удалось убедить клиента?

Я задаю этот вопрос не просто для того, чтобы поддержать разговор, – мне действительно хочется знать. Быть может, в один прекрасный день я буду работать над каким-нибудь проектом, и клиент заартачится из-за какой-нибудь дорогущей детали. И тогда я вспомню мудрый совет Деметры и одержу победу. Мы с ней будем как Кунг-Фу Панда и Мастер Шифу из мультфильма.

Деметра перестает печатать и поворачивается – кажется, мой вопрос задел ее за живое.

– В нашей работе, – задумчиво произносит она, – важно поддерживать равновесие. С одной стороны, мы прислушиваемся к клиенту, реагируем на его пожелания. Но с другой стороны, нужно иметь мужество: выступать со значительными идеями, бороться за свои убеждения. Нужна твердость, не так ли?

– Несомненно, – отвечаю я, стараясь выглядеть очень твердой. Я сдвигаю брови и крепко держу кисточку. Надеюсь, в целом это выглядит примерно так: *Твердый. Энергичный. Удивительно Интересный Младший Член Команды, Имя Которого Стоит Запомнить.*

Но Деметра, по-видимому, не замечает, какая я твердая и энергичная. Она уже вернулась к компьютеру. Так, о чем еще мы можем поговорить? Скорее! И прежде чем она снова начинает печатать, я поспешно говорю:

– Гм-м, а вы были в этом новом ресторане на Марилебон? Британо-непальском?

Я попадаю в яблочко, упомянув самый модный сейчас ресторан. Деметра резко останавливается.

– Да, была, – отвечает она, явно удивленная вопросом. – Я была там пару недель назад. А вы?

Была ли там я?

Неужели она думает, что я могу позволить себе потратить двадцать пять фунтов на тарелку клецок?

Но я же не могу ответить: *«Нет, просто прочитала об этом в блоге. Это все, что я могу себе позволить, потому что Лондон стоит на шестом месте среди самых дорогих городов в мире, разве вы этого не замечали?»*

(Правда, он не такой дорогой, как Сингапур. Интересно, сколько же все стоит в Сингапуре?)

– Собираюсь сходить, – отвечаю я после паузы. – Как вам там понравилось?

– Ресторан произвел на меня впечатление. – Деметра кивает. – Вы знаете, что там столы ручной работы из Катманду? А еда превосходная, хотя и простая. Очень подлинная. Все органическое, *конечно*.

– *Конечно*, – повторяю я серьезно. Какие тут могут быть шутки! Если бы Деметре нужно было указать в анкете свое вероисповедание, она бы, наверно, написала: «Органическое».

– А шеф-повар там – тот самый, который был в «Сесть-поесть»? – осведомляюсь я, окуная кисточку в краску. – Он не непалец.

– Нет, но у него непальский консультант. А сам он провел в Непале два года... – Деметра резко оборачивается и оценивающе смотрит на меня. – А вы знаете рестораны, да?

– Я люблю еду.

Это правда. Я читаю рецензии о ресторанах, как некоторые читают гороскопы. У меня в сумочке даже есть список всех самых известных ресторанов, которые мне хотелось бы когда-нибудь посетить. Однажды мы с моей подругой Фай ради шутки выписали их названия, и этот список стал чем-то вроде талисмана.

– А что вы думаете о «Солт Блок»? – спрашивает Деметра, как будто проверяя меня.

– Я думаю, что там непременно нужно попробовать ризотто с морским ежом, – не моргнув глазом, отвечаю я.

Я читала об этом блюде всюду: в каждой рецензии, в каждом блоге только и пишут, что о морском еже.

– Морской еж, – кивает Деметра, нахмурившись. – Да, я слышала об этом. Мне следовало заказать это блюдо.

Я вижу, что она расстроена: еще бы, пропустила гвоздь программы. Теперь ей придется туда вернуться и отведать морского ежа.

Деметра проницательно смотрит на меня, потом отворачивается к компьютеру.

– Когда в следующий раз у нас будет проект, связанный с едой, я подключу вас к нему.

Я в восторге, я не верю своим ушам. Это знак одобрения от Деметры? Я действительно *чего-то добились*?

– Я работала над брендом «Чудо-Пицца» в Бирмингеме, – поспешно напоминаю я. Это было в моем резюме, но она, конечно, забыла.

– Бирмингем, – рассеянно повторяет Деметра. – Правильно. – Она яростно стучит по клавишам несколько минут, потом добавляет: – У вас нет бирмингемского акцента.

О боже! Я не собираюсь рассказывать историю, как избавилась от западного акцента, – тем более что все происходило в туалете. И в любом случае, кому какое дело, откуда я родом? Теперь я житель Лондона.

– Наверное, ко мне просто не пристает акцент, – говорю я, закрывая тему. Мне не хочется обсуждать, откуда я родом: нужно плавно переходить к цели. – Гм-м, Деметра? Вы помните новый бренд «Уош-Блю», которым мы будем заниматься? Я сделала несколько собственных эскизов логотипа и упаковки. В свободное время. Не могла бы я их вам показать?

– Конечно, – Деметра приветливо кивает. – Молодец! Пришлите мне имейлы.

Она всегда реагирует таким образом. С большим энтузиазмом говорит: «Пришлите имейлы!» – и вы посылаете. Но никогда не получаете ответа.

– Хорошо, – киваю я. – Чудесно. А не могу я показать их прямо сейчас?

– Сейчас? – с сомнением в голосе говорит Деметра, протягивая руку к пластиковой папке.

Она хотела, чтобы я была твердой, не так ли? Я аккуратно возвращаю краску для волос на полку и поспешно достаю свои эскизы.

– Вот передняя часть коробки... – Я кладу перед ней распечатку. – Вот видите, какой у меня шрифт? И в то же время я сохраняю голубой тон...

В эту минуту звонит мобильник Деметры, и она хватается за него.

– Алло! Рой? Да, я получила сообщение. – Она энергично кивает. – Сейчас запишу... – Она берет мой лист с эскизом, переворачивает его и записывает на задней стороне какой-то номер. – Шесть часов. Да, конечно.

Деметра заканчивает разговор, рассеянно складывает лист бумаги вчетверо и сует в свою сумку. Потом смотрит на меня, и до нее доходит.

– О, простите! Это ваша бумага, не так ли? Вы не возражаете, если я оставлю ее у себя? Важный номер.

Я смотрю на нее, и кровь шумит у меня в ушах. Как на это реагировать? Это же *мой эскиз*. Мой эскиз, который я ей показываю, – а не какой-то ненужный клочок бумаги. Должна ли я что-нибудь сказать? Следует ли мне постоять за себя?

Я сражена. Какая же я *дура*! А я-то надеялась, что между нами установился контакт, что она меня заметила...

– *Черт возьми!* – Деметра прерывает поток моих мыслей, в ужасе глядя на свой компьютер. – Черт возьми. О господи!

Она внезапно отталкивает свой стул, больно стукнув меня по ноге. Я вскрикиваю: «Ой!» – но она не слышит, так как слишком взволнована. Выглянув из своего стеклянного кабинета, она снова ныряет внутрь.

– Что такое? – спрашиваю я. – Что случилось?

– Алекс уже в пути! – говорит Деметра, как будто это все объясняет.

– Алекс? – тупо повторяю я. Кто такой Алекс?

– Он только что прислал мейл. Я же не могу показаться ему в таком виде! – Она указывает на свою голову, всю в липкой краске, которую нельзя смыть еще по крайней мере пять минут. – Идите к лифту, – взволнованно просит Деметра. – Перехватите его.

– Я же не знаю, кто он!

– Вы его узнаете! – нетерпеливо говорит она. – Попросите его вернуться через полчаса. Или послать имейл. Но только *не пускайте* его сюда. – Ее руки поднимаются, словно она хочет прикрыть голову.

– Но как же ваши корни?

– С ними все отлично. Вы все сделали. Все, что мне теперь нужно, – это подождать и смыть краску. Идите! Идите же!

Боже! Мне передается паника Деметры, и пока я несусь по коридору, в голове роятся тревожные мысли. А что, если я не перехвачу этого Алекса? Что, если я его не узнаю? И кто же он все-таки такой?

Занимаю позицию напротив дверей лифтов и жду. Из первого лифта выходят Лиз и Роза. Они как-то странно на меня смотрят и проходят мимо. Второй лифт с шумом уезжает на первый этаж. Затем первый снова прибывает на наш этаж и... *Внимание!* Двери открываются, и из лифта выходит высокий, стройный молодой человек, которого я никогда раньше не видела. Деметра права: я сразу же понимаю, что это *он*.

У него каштановые волосы – но не светлого оттенка, а темно-каштановые. На вид лет тридцать, у него привлекательное лицо, с высокими скулами и широкой улыбкой. (Сейчас он не улыбается, но сразу видно: если улыбнется, то улыбка будет широкая. И я могу побиться об заклад, что у него прекрасные зубы.) На нем джинсы и светло-фиолетовая рубашка, а в руках полно коробок, покрытых китайскими иероглифами.

– Алекс? – спрашиваю я.

– Простите? – Он смотрит на меня с интересом. – Кто вы?

– Гм-м... Кэт. Я Кэт.

– Здравствуйте, Кэт.

Его карие глаза внимательно изучают меня, словно пытаюсь в кратчайшее время извлечь максимум информации. Это смутило бы меня, если бы мои мысли не были заняты выполнением задания.

– У меня сообщение от Деметры, – объявляю я. – Она спрашивает, не могли бы вы зайти к ней примерно через полчаса? Или вместо этого прислать имейл? Просто она немного... э-э... занята.

– Подождать полчаса или прислать имейл?

– Да.

– Гм-м. – Он с минуту размышляет. – Проблема в том, что я не хочу ни ждать полчаса, ни посылать имейл. Что она делает?

К моему ужасу, он шагает по коридору к нашему офису. Я в панике бегу за ним, перегоняю и загораживаю ему путь.

– Нет! Она не может... Вы не должны...

Он пытается обойти меня, но я делаю быстрый шаг в сторону и снова загораживаю путь. Он пытается проскочить с другой стороны, но я опять не даю пройти. Даже не успев подумать, я инстинктивно принимаю боевую стойку.

– Мы делаем это на полном серьезе? – Кажется, Алекс сейчас расхохочется. – Вы что, из спецназа?

Я заливаюсь краской, но не отступаю:

– Мой босс не хочет, чтобы ему мешали.

– Вы свирепая сторожевая собака, не так ли? – Он с еще большим интересом смотрит на меня. – Вы, случайно, не ее секретарша?

– Нет. Я сотрудник-исследователь. – Я тщательно выговариваю эту должность. *Сотрудник*. Не стажер, а *сотрудник*.

– Поздравляю вас. – Он кивает, словно моя должность произвела на него впечатление. Интересно, уж не стажер ли он?

Нет, он не так молод. Да и в любом случае, Деметра не стала бы так волноваться из-за какого-то стажера, верно?

– Итак, кто вы? – осведомляюсь я.

– Как вам сказать... Я занимаюсь всем понемногу. Работаю в нью-йоркском офисе. – Он делает внезапное движение, пытаюсь проскочить мимо меня, но я бдительна. – Молодец. – Он усмехается, а во мне закипает злость. Этот парень начинает действовать мне на нервы.

– Послушайте, я не знаю, кто вы такой и что вам нужно от Деметры, – твердо говорю я. – Но я же вам сказала: она не хочет, чтобы ей мешали. *Понятно?*

С минуту он молчит, рассматривая меня, потом улыбается. Я была права: улыбка у него широкая, белозубая и ослепительная. И вдруг я с некоторым опозданием замечаю, как он красив, и заливаюсь краской.

– И о чем только я думаю! – вдруг говорит он и отступает с учтивым поклоном. – Мне не нужна Деметра, и я извиняюсь за то, что был так груб. Если вас это в какой-то степени утешит, вы победили.

– О'кей, – чопорно отвечаю я.

– Мне не нужна Деметра, – продолжает он бодрым тоном, – потому что у меня есть вы. Я хочу провести исследование. А поскольку вы сотрудник-исследователь, то вы-то мне и нужны.

Я моргаю, глядя на него с недоумением:

– Что?

– Мы должны выполнить одну работу. – Он указывает на коробки с китайскими надписями.

– *Что?*

– Максимум двадцать минут. К счастью, Деметра, очевидно, так занята, что даже не заметит вашего отсутствия. Пойдемте.

– Куда?

– На крышу.

Глава 3

Я не должна здесь находиться. Просто не должна. Существует миллион причин, по которым мне *не следовало* подниматься на крышу со странным мужчиной по имени Алекс, о котором я ничего не знаю. Особенно когда у меня целый ворох анкет, которые нужно ввести в компьютер. Но есть три веские причины, в силу которых я стою на крыше здания, дрожа от холода и окидывая взглядом крыши Чизвика:

1. Я считаю, что смогла бы справиться с ним в драке. Ну если бы он вдруг оказался психопатом.

2. Мне хочется узнать, что в этих китайских коробках.

3. Идея заняться чем-нибудь, не связанным с анкетами о кофе или с краской для волос, так заманчива, что я не могу устоять. Как будто кто-то открыл дверь моей камеры-одиночки, впустил свет и сказал: «Ш-ш, не хочешь ли ненадолго выйти наружу?»

Я говорю «наружу» в буквальном смысле. Ведь здесь, наверху, негде укрыться – только железная ограда, идущая по всему краю крыши, да кое-где несколько низких бетонных стен. Декабрьский воздух морозный, порывы ветра ерошат мои волосы и холодят шею. Воздух кажется серовато-голубым от холода. А может быть, все дело в контрасте между сумрачным зимним небом и зданиями вокруг нас, где во всех окнах горит уютный теплый свет.

С того места, где я стою, хорошо видно офисное здание рядом с нашим. Оно очаровательно. В отличие от нашего, оно не современное, а старомодное, с карнизами, и окна там не пластиковые, а настоящие. Девушка в темно-синем пиджаке красит ногти за своим столом, но все время останавливается, делая вид, что печатает. А парень в сером костюме уснул в кресле.

В следующей комнате – довольно бурное заседание вокруг большого полированного стола. Женщина в фартуке с оборочками разносит чай, а пожилой мужчина обращается ко всем по очереди. Другой мужчина открывает большое окно, словно дискуссия такая жаркая, что нужно впустить воздух. Интересно, что это за фирма? Похоже, посолднее нашей. Может быть, какая-то Королевская ассоциация?

Услышав треск, оборачиваюсь и вижу, что Алекс, присев на корточки, вскрывает ножом одну из коробок.

– Так в чем же заключается работа? – спрашиваю я. – В открывании коробок?

– Игрушки, – говорит он и, взяв нож в зубы, открывает коробку. – Игрушки для взрослых.

Игрушки для взрослых?

О господи, это было ошибкой. *Пятьдесят Оттенков Крыши*. Он в любую минуту может привязать меня к ограждению. Нужно удирать...

– Это *не те* игрушки для взрослых, – с усмешкой говорит он. – Настоящие игрушки, которыми можно играть, – только для взрослых. – Он вынимает что-то, сделанное из пластика и ярко-зеленой тесьмы. – Думаю, это дьябло. Знаете? Такие штуки, которые вертятся? А это... – Он вытаскивает из другой коробки какие-то стальные трубки – похоже на телескоп. – Наверное, они раскладываются... Да. Ходули.

– *Ходули?*

– Смотрите-ка! – Он раздвигает одну из труб во всю длину и со щелчком опускает дощечку для ног. – Ходули для взрослых. Хотите походить?

– Что все это такое? – Я беру у него ходули, залезаю на них, но сразу же теряю равновесие и падаю.

– Как я уже сказал, это игрушки для взрослых. Их массово выпускают в Азии. Считается, что это помогает от стресса. Теперь эти игрушки хотят распространять во всем мире. Они наняли агентство «Сидни Смит»... Вы знаете «Сидни Смит»?

Я киваю. Не то чтобы я знала агентство «Сидни Смит» – просто слышала, что они наши конкуренты.

– А теперь нас тоже пригласили поучаствовать. Я получил задание ознакомиться с продукцией. Как она вам нравится?

– Нелегко, – говорю я, в третий раз падая с ходулей. – Это труднее, чем кажется.

– Согласен. – Он подходит ко мне на ходулях, и мы разгуливаем на них, стараясь сохранить равновесие.

– Но мне нравится быть выше. Это очень круто.

– Их можно использовать, чтобы возвышаться над толпой, – соглашается Алекс и, попытавшись постоять на одной «ноге», шатается и теряет равновесие. – Черт! Этим нельзя заниматься после пары кружек пива. А можно ли на них танцевать? – Он поднимает ногу, качается и падает. – Нет. К тому же где тут поместить пиво? Где контейнер для напитков? Это огромный недостаток.

– Они не все продумали, – соглашаюсь я.

– Не учли все возможности. – Он складывает ходули. – Ну ладно, следующая игрушка.

– Как случилось, что они попросили заниматься этим *вас*? – спрашиваю я, складывая свои ходули.

– Ну, видите ли, – с усмешкой произносит он, – я оказался самым инфантильным. – Он открывает следующую коробку. – Управляемый самолет.

Это что-то вроде военного вертолета, с пультом дистанционного управления размером с маленький айпад. Очевидно, в нем есть батарейки: Алексу сразу же удается поднять вертолет в воздух. Вертолет летит в мою сторону, и я с визгом уворачиваюсь.

– Простите, я еще не совсем с ним освоился... – Он нажимает кнопку на пультике, и вертолет освещается, как космический корабль. – О, потрясающе! И у него есть камера. Взгляните на экран.

Он отправляет вертолет высоко в воздух, и мы видим крыши Чизвика, которые все больше удаляются.

– С такой игрушкой можно увидеть все что угодно! – с энтузиазмом восклицает Алекс, то поднимая, то опуская вертолет. – Только подумайте, какой опыт вы могли бы приобрести! Вы могли бы увидеть каждую церковь в Италии, каждое дерево в тропическом лесу...

– Виртуальный опыт, – поправляю я. – Вы бы все равно там не побывали. Не почувствовали эти места. Не ощутили их аромат...

– Я же не говорил, что вы могли бы приобрести идеальный опыт.

– Но это же не *опыт*, а просто изучение объекта на расстоянии. Ведь так?

Алекс не отвечает. Он опускает вертолет, выключает огни и направляет его к соседнему зданию.

– Никто его даже не заметил! – восклицает он, заставляя вертолет парить за окном комнаты, где проходит заседание. – Мы можем за ними шпионить! – Он дотрагивается до сенсорного экрана, и камера наклоняется, показывая стол. – Сфокусируем... – Он снова дотрагивается до экрана, и камера фотографирует какие-то бумаги.

– Вы не должны это делать, – протестую я. – Это нехорошо. Прекратите.

Алекс поворачивается и смотрит на меня. У него пристыженный и вместе с тем насмешливый вид.

– Вы правы. – Он кивает. – Не будем подсматривать. Мы будем действовать в открытую.

Он снова зажигает все огни вертолета, и теперь они красные и белые. Затем, осторожно маневрируя, направляет вертолет к открытому окну.

– Прекратите! – восклицаю я. – Вы же не собираетесь...

Но он уже запускает вертолет в комнату, где идет заседание.

С минуту никто ничего не замечает. Потом мужчина в темно-синем костюме поднимает глаза, за ним – седая женщина, и скоро уже все показывают на вертолет. Мы видим на экране изумленные лица крупным планом, и я с трудом подавляю смех. Два человека выглядывают в открытое окно, но они смотрят вниз, на улицу, а не в нашу сторону.

– Ну вот, – говорит Алекс. – Все они казались такими замученными – а теперь отвлеклись. Мы оказываем им услугу.

– А что, если у них действительно важное заседание? – возражаю я.

– Разумеется, оно вовсе не важное. Ни одно заседание не бывает важным. Смотрите-ка, микрофон работает. Мы можем их послушать. – Он дотрагивается до кнопки, и вдруг мы слышим голоса людей в комнате: они звучат из громкоговорителя на пультике.

– Оно нас *фотографирует*? – спрашивает женщина, и в ее голосе слышится паника.

– Оно китайское. – Мужчина указывает пальцем на вертолет. – Посмотрите на надпись.

Она на китайском.

– Все закройте лица! – взволнованно восклицает другая женщина. – Закройте лица!

– Слишком поздно! – пронзительным голосом возражает девушка. – Оно уже видело наши лица!

– Нам нужно закрывать не *лица*! – кричит мужчина. – Нужно закрывать *протокол заседания*!

– Это всего лишь черновик протокола, – вмешивается в разговор блондинка, с встревоженным видом прикрывая обеими руками распечатки.

Мужчина без пиджака забирается на стул и пытается сбить вертолет свернутым в трубочку листом бумаги.

– Не делай этого! – советует Алекс и щелкает по иконке на пульте дистанционного управления.

В следующее мгновение вертолет начинает пускать в этого мужчину струи воды. Я прыскаю от смеха и прикрываю рукой рот.

– Ясно, – говорит Алекс. – А как насчет этого? – Он щелкает по другой иконке, и из вертолета вырываются шарики.

– Ах! – Мужчина спрыгивает со стула, словно подвергся нападению, и начинает отмахиваться от шариков. Я хохочу до слез. Шарик плывет по всей комнате, и люди убегают от них.

– О'кей, – говорит Алекс. – Думаю, мы достаточно помучили этих славных людей. – Он вынимает из пультика крошечный микрофон на проволочке и подносит ко рту. Затем щелкает выключателем и делает мне знак не шуметь. – Внимание! – объявляет он, подражая манере пилота ВВС Великобритании времен Второй мировой войны. – Повторяю: внимание.

Голос звучит из вертолета, и это мгновенно оказывает воздействие на людей. Все в испуге застывает на месте и приковывает взгляд к вертолету.

– Приношу извинения за причиненные неудобства, – продолжает Алекс тоном пилота ВВС. – Нормальное обслуживание скоро будет восстановлено. *Боже, храни королеву...*

Я просто ушам своим не верю: он поет национальный гимн.

– Встать! – вдруг рявкает Алекс в микрофон, и двое людей, сидевших у стола, припадают, затем снова садятся со смущенным видом.

– Благодарю вас, – заключает Алекс. – Большое вам спасибо.

Он ловко выводит вертолет из комнаты и опускает так, чтобы не было видно. Все сотрудники сгрудились у окна, чтобы посмотреть, куда он делся, и указывают в разные стороны. Алекс тянет меня за низкую бетонную стену. Через несколько минут вертолет с выключенными огнями тихо опускается у нас за спиной. Никто из людей в комнате не имеет ни

малейшего представления о том, куда он исчез. Минуты через две-три они возвращаются к столу. Я встречаюсь с Алексом взглядом и качаю головой:

– Не могу поверить, что вы это сделали.

– Это скрасило их день, – замечает он. – Теперь им будет что рассказать на званом обеде. – Он берет в руки вертолет и рассматривает. – Итак, что мы об этом думаем?

– Он наводит страх, – отвечаю я.

– Согласен. – Алекс кивает. – Наводит страх. – Он берется за следующую коробку и перерезает веревку. – Вы только посмотрите! Специальные сапоги с пружинами для прыжков!

– О боже! – Я смотрю на них, открыв рот. – Это *безопасно*?

– А здесь у нас... – Он открывает еще одну коробку. – Теннисные ракетки с неоновой подсветкой. Это занятно.

– Это будет *лучший* проект, – говорю я с энтузиазмом.

– Может быть, – хмурится он. – Мы раньше уже сотрудничали с «Сидни Смит» и не очень-то ладили. Так что нам нужно хорошенько подумать, прежде чем связываться со всем этим. – Он с рассеянным видом щелкает пальцами, потом выходит из задумчивости. – Но это действительно превосходные вещи, не правда ли? – Глаза Алекса загораются, когда он, вынув ракетку, нажимает на кнопку и смотрит на желтое неоновое мерцание. – Похоже, я в них влюбился.

– Значит, сердце не согласно с головой. – Я невольно улыбаюсь его восторженности.

– Вот именно. Эти чертовы головы и сердца – они вечно живут в разладе, правда?

Он принимается расхаживать по крыше, размахивая ракеткой. Я украдкой смотрю на часы. Черт! Я здесь уже почти двадцать пять минут и так замерзла, что даже руки онемели.

– Вообще-то, мне нужно идти, – смущенно говорю я. – У меня полно работы...

– Конечно. Простите, что задержал. Я побуду здесь еще несколько минут, проверю остальные коробки. – Он снова одаряет меня ослепительной белозубой улыбкой. – Извините, я просто идиот, не могу вспомнить ваше имя. Меня зовут Алекс.

– Я Кейти... – Я останавливаюсь. – *Кэт*, – поправляюсь я, покраснев.

– Хорошо. – Он немного озадачен. – Ну что же, приятно было с вами тут потусоваться, Кейти-Кэт. Спасибо за помощь.

– Извините, но я Кэт, – уточняю я, очень сильно смутившись. – Просто Кэт.

– Понял. Увидимся, *Просто Кэт*. Передайте привет Деметре.

– О'кей. Обязательно передам. До встречи.

Я направляюсь к двери на лестницу, но вдруг останавливаюсь. С этим парнем так легко беседовать, а мне очень нужно с кем-нибудь посоветоваться...

– Вы сказали, что занимаетесь всем понемногу, – начинаю я. – А вы... вы когда-нибудь работали с Деметрой? Она когда-нибудь была вашим боссом?

Алекс выключает ракетку и долго, с интересом смотрит на меня.

– Да, – отвечает он. – Вообще-то была.

– Просто я пытаюсь показать ей мои идеи, а она никогда их не замечает, и...

– Идеи?

– Просто кое-какие эскизы, наброски, концепции, – объясняю я, ощущая легкое смущение. – Ну знаете, все, что я делаю в свободное время...

– Понятно. – Он с минуту размышляет. – Вот мой совет: не показывайте Деметре случайные идеи в случайное время. Подкиньте ей стоящую идею именно тогда, когда она нужна самой Деметре. Когда на совещании у вас появляется блестящая идея, высказывайте ее. И постарайтесь, чтобы ваш голос был услышан.

– Но... – Мои щеки пылают. – Я не присутствую на совещаниях. У меня слишком скромная должность.

– Вот как. – Он доброжелательно смотрит на меня. – Тогда придите на какое-нибудь совещание.

– Я не могу! Деметра *никогда* мне не позволит...

– Конечно, позволит! – Он смеется. – У Деметры есть одна хорошая черта: она защищает младших членов своей команды и продвигает их.

Он шутит? Перед моим мысленным взором вдруг возникает картинка: Деметра наступает на пальцы Розы своими острыми каблуками от «Миу Миу». Но я не стану с ним спорить: ведь он хочет мне помочь.

– Просто попросите, – советует Алекс. Его уверенность заразительна.

– Хорошо, – киваю я. – Непременно. Спасибо!

– Не за что. Увидимся, Кэт. Или Кейти. По-моему, Кейти вам больше идет, – добавляет он, подбрасывая ракетку в воздух. – Хотите верьте, хотите нет.

Я не знаю, что ответить, поэтому неловко киваю и иду к лестнице. Я и так уже слишком задержалась.

К тому времени, как я возвращаюсь в кабинет Деметры, она уже сполоснула волосы и теперь лихорадочно стучит по клавишам компьютера.

– Простите, я задержалась, – говорю я, стоя в дверях. – Я только заберу свой ноутбук...

Она рассеянно кивает:

– О'кей.

Я захожу в кабинет, беру свои вещи – и останавливаюсь. *Мой выход.*

– Деметра, можно мне завтра прийти на совещание? – спрашиваю я, стараясь говорить как можно убедительнее. – Думаю, это было бы мне полезно. А с работой я наверстаю, – поспешно добавляю я. – Я пробуду всего час.

Деметра поднимает голову и смотрит на меня долю секунды. Затем кивает:

– Прекрасно. – И снова принимается печатать. – Хорошая идея.

Я застываю как столб. Не может быть! Хорошая идея? Вот так просто? Хорошая идея?

– Что-нибудь еще? – Деметра поднимает голову, и теперь она слегка хмурится.

– Нет. Я имею в виду... спасибо! Ах да, я избавилась от этого... Алекса, – добавляю я, чувствуя, что мои щеки порозовели. – Избавилась не в прямом смысле. Я не сбросила его с крыши! – Я тоненько хихикаю и сразу же делаю вид, будто просто кашлянула.

(Себе на заметку: не смеяться в присутствии Деметры. Деметра никогда не смеется. *Умеет* ли Деметра смеяться?)

– Да, я поняла, – говорит Деметра. – Спасибо.

Теперь на ее лице так отчетливо написано: *пожалуйста, уходи, назойливый младший сотрудник*, что я сразу же вылетаю из кабинета. А то она еще передумает насчет заседания или вообще выгонит с работы.

Я иду к своему столу, и мне хочется кричать от радости. Я поймала свою волну! И я готова обработать миллион анкет, если почувствую, что чего-то *добилась*.

Проверяю почту (не то чтобы мне присылали такие уж волнующие имейлы) и удивленно моргаю. Прибыл имейл с темой «Привет от Алекса».

«Привет, очень рад нашему знакомству. Вы свободны завтра в обеденный перерыв? Не хотите снова встретиться и побеседовать о брендах / о смысле жизни / о чем угодно?

Алекс».

Мне хочется прыгать от радости. День становится все лучше и лучше.

«Конечно! С удовольствием. Где? Между прочим, Деметра разрешила прийти на совещание!

Кэт».

Я отсылаю письмо – и через минуту приходит ответ.

«Молодец! Оперативно!

Давайте встретимся на рождественской ярмарке на Тэрнхем-Грин. Скажем, в час дня? И что-нибудь перехватим.

Алекс».

Перехватим. Что-нибудь перехватим.

Я перечитываю эти слова снова и снова, и во мне теплится робкая надежда. *Что-нибудь перехватим.* Это означает...

О'кей, это ничего *такого* не означает, но...

Он мог бы сказать: «*Посидим в "Олд-Кент-Роуд"*». (Все комнаты для заседаний в «Купер Клеммоу» носят имена лондонских площадей из «Монополии», потому что «Монополия» была первым брендом, над которым работал Адриан.) Это было бы нормально. Но он предложил вместе перекусить. Значит, это что-то вроде свидания. По крайней мере, смахивает на свидание.

Он назначил мне свидание! Настоящий крутой, привлекательный парень назначил мне свидание!

Мое сердце поет от радости. Я вспоминаю его пронизательные глаза, беспокойные худые руки, заразительный смех. Его ослепительную улыбку. Каштановые волосы, которые растрепал ветер на крыше. Он мне действительно нравится, признаюсь я себе. И я ему, наверно, тоже нравлюсь – а иначе зачем ему было сразу же присылать мне имейл?

Разве что...

Радостный ход моих мыслей прерывается. А что, если он пригласил много других людей? Я вдруг явственно вижу: они сидят вокруг стола с напитками и смеются, обмениваясь шутками, понятными только им.

Ну что же, я все равно ничего не узнаю, пока мы не увидимся, не так ли?

– Что случилось? – спрашивает Флора, проходя мимо со своей кружкой чая. И тут до меня доходит, что на моем лице расплылась глупая блаженная улыбка.

– Ничего, – поспешно отвечаю я. Мне нравится Флора, но она последняя, с кем я стала бы делиться секретами. Она расскажет всем и будет меня поддразнивать, и тогда все будет испорчено. – Иду на завтрашнее совещание, – говорю я вместо этого. – Деметра разрешила. Это будет действительно интересно.

– Круто! – Флора бросает взгляд на мой стол. – Как продвигается это ужасное исследование? Я все еще не могу поверить, что Деметра попросила тебя заняться этими анкетами. Вот зараза!

– Да все в порядке. – Сейчас ничто не может омрачить моей радости, даже полная коробка анкет.

– Ну что же, хорошо, – говорит Флора.

Но едва она успевает отойти от моего стола, как я добавляю:

– Да, я только что встретила парня по имени Алекс. Я так и не поняла, чем он занимается. Ты его знаешь?

– Алекс? – Она круто поворачивается ко мне. – Алекс Эсталис?

И тут я сознаю, что даже не взглянула на его фамилию в имейле.

– Может быть. Высокий, темноволосый...

– Алекс Эсталис. – Флора внезапно фыркает от смеха. – Ты встретила Алекса Эсталиса и *«так и не поняла, чем он занимается»*? Он партнер.

– *Кто?* – Я потрясена.

– Алекс Эсталис! – повторяет она, словно пытаюсь освежить мою память. – Ты же знаешь.

– Никогда о нем не слышала, – возражаю я. – Никто о нем не упоминал.

– Он работает за границей, так что, полагаю... – Она пристально смотрит на меня. – Но ты же должна была слышать фамилию Эсталис.

– Это не?... – нерешительно произношу я.

– Ну да. Эрон Эсталис – его отец.

– Понятно. – Я в шоке, потому что Эсталис – это такое же громкое имя, как Гувер или Биро. Оно означает: *одно из самых влиятельных рекламных агентств в мире*. Что касается Эрона Эсталиса, то это *невероятно богатый парень, который изменил лицо рекламы в 1980-х и в прошлом году крутил роман с той супермоделью*. – Вау! – слабым голосом произношу я. – Как же ее зовут?

– Оленька.

– Точно.

Флора мгновенно поняла, что я имею в виду супермодель, и это мне нравится.

– Значит, Алекс – его сын и наш босс. Короче, один из них. Он в ранге Адриана.

Я беру свою бутылку с водой и делаю глоток, стараясь сохранять спокойствие. Но мне хочется кричать от восторга. Это действительно случилось? Я действительно встречаюсь за ланчем с крутым красавчиком, который к тому же *босс*? Мне кажется, что я нахожусь в каком-то нереальном мире. Словно Жизнь подошла, взглянула на мои коробки с анкетами и сказала: *«О, я ошиблась. Прости, что изводила тебя этой гадостью. Вот утешительный приз»*.

– Но он же так *молод*! – вырывается у меня.

– А, это... – Флора пренебрежительно кивает. – Видишь ли, он гений. Даже не потрудился окончить университет. Много лет назад, когда ему было около двадцати, он работал под началом Деметры. Но не прошло и пяти минут, как ушел и начал работать самостоятельно. Ты знаешь, что он создал «Венти»? Логотип и все остальное.

– Да ну?!

У меня отвисла челюсть. «Венти» – это та кредитная карточка, которая появилась ниоткуда и сразу же заняла доминирующее положение на рынке. Она прославилась как самый успешный проект бренда.

– А потом Адриан пригласил его в «Купер Клеммоу». Но Алекс много работает за границей. Он один из этих... ну, ты знаешь. – Она презрительно морщит нос.

– Из каких?

– Считает себя умнее всех, и потому ему ни до кого нет дела.

– Да? – удивляюсь я. Это не похоже на того Алекса, с которым я познакомилась.

– Однажды он пришел на вечеринку в доме моих родителей, – продолжает Флора тем же тоном, – и практически ни словом со мной не перемолвился.

– О! – Я старательно изображаю возмущение. – Это... ужасно!

– Кончилось тем, что он проговорил весь вечер с каким-то стариком. Об *астрофизике* или о чем-то таком. – Она снова морщит нос.

– Какой ужас! – говорю я.

– А почему ты им интересуешься? – Флора смотрит на меня более внимательно.

– Просто так, – поспешно отвечаю я. – Не знала, кто он такой. Вот и все.

Глава 4

Ничто не может испортить мне настроение, когда я еду вечером домой. Даже дождь, который начался днем и все усиливается. Даже автобус, проехавший по луже и окативший меня с головы до ног. Даже компания мальчишек, насмехавшихся надо мной, когда я выжимала юбку.

Открывая дверь своей квартиры, напеваю про себя. Я иду на свидание! Я иду на совещание! Все складывается так хорошо...

– Ой! – вскрикиваю я, ободрав обо что-то голень.

По одну сторону холла выстроился ряд коричневых картонок, и я едва протискиваюсь мимо них. Холл напоминает пакгауз. Что это? Я наклоняюсь и, прочитав на ярлыке имя Алана Росситера, глубоко вздыхаю. Как это на него похоже!

Алан – один из моих соседей по квартире. Он веб-дизайнер и фитнес-блогер. Алан постоянно сообщает разные факты, которые мне не хотелось бы знать: о наращивании мускулов, о плотности костей, а однажды – даже о функционировании кишечника.

– Алан! – Я стучу в его дверь. – Что там такое в холле?

Минуту спустя дверь Алана распаивается, и он смотрит на меня. (Алан очень высокий, но при этом у него очень большая голова, так что он не выглядит таким уж рослым. На самом деле, у него какой-то странный вид.) На нем черная майка и шорты, в ухе – наушник, в котором звучит что-то вдохновляющее типа «Владеть своим телом значит владеть всем миром». Один раз он уговаривал меня это послушать.

– Что? – спрашивает он с отсутствующим видом.

– Коробки! – Я указываю на забытый коробками холл. – Они твои? Из-за них может случиться пожар!

– Это вей. Протеин без консервантов. – Он достает из открытой коробки полиэтиленовый мешочек и протягивает мне. На нем надпись: «Вей: ваниль».

– А, вей. – Я бросаю взгляд на картонки. – Зачем тебе столько?

– Бизнес. Пришлось купить оптом. Это крутой бизнес. – Он машет кулаком в воздухе, и я вздрагиваю. У Алана агрессивная манера вести беседу – наверное, он считает это «мотивацией». Иногда я слышу, как он восклицает, поднимая штангу: «Черт бы тебя подрал, Алан! Сделай же это, дурья башка!»

Дурья башка? И это мотивация?

– Какой бизнес? – осведомляюсь я. – Ты же веб-дизайнер.

– И распространитель вей. Сейчас это мое побочное занятие, но это будет серьезный бизнес.

Это будет серьезный бизнес. Сколько раз я слышала эту фразу от своего папы? Его сидр обещал быть серьезным бизнесом, но продержался всего полгода. Потом были трости ручной выделки. Но на их изготовление требовалось столько времени, что папа так и не получил никакой прибыли. Потом он собирался нажать состояние на продаже мышеловок какого-то нового типа, которые дешево купил у своего друга Дейва Ярнета. (Они занимали очень много места. В любом случае, я предпочитаю сидр мышеловкам.)

В результате у меня выработалась интуиция. И сейчас моя интуиция говорит, что у Алана с этим веем не выйдет ничего хорошего.

– Итак, ты собираешься куда-нибудь убрать эти коробки? – спрашиваю я Алана. – Как скоро?

Может быть, мне не следует быть такой категоричной, говорю я себе. Может быть, к нему выстроилась очередь из покупателей и все это исчезнет к завтрашнему дню.

– Я их продам. – Он отводит взгляд. – Устанавливаю контакты.

Так я и знала.

– Алан, ты же не можешь держать все это здесь! – Я машу на коробки.

– У меня в комнате нет места, – отвечает он, пожимая плечами. – Там моя скамья под штангу. Ну, пока.

И не успеваю я вымолвить ни слова, он исчезает за дверью. Мне хочется кричать, но вместо этого я направляюсь к комнате Аниты и осторожно стучу в дверь.

Анита – суперличность. Она стройная и сдержанная. Работает в инвестиционном банке. Мы с ней ровесницы. Когда я переехала в эту квартиру, то была полна радостных надежд. Я думала: «Моя новая лучшая подруга! Это будет так круто!» В первый вечер я слонялась в маленькой кухне, переставляя свои пакеты с едой и посматривая на дверь. Я поджидала Аниту, чтобы сразу же начать тесное общение.

Но когда Анита вошла в кухню, чтобы заварить себе мятный чай, она смирив меня холодным взглядом и сказала: «Без обид, но я решила не заводить друзей, пока мне не исполнится тридцать. О'кей?»

Я так смутилась, что не нашла что ответить. И конечно, с тех пор никогда с ней не заговаривала. Жизнь Аниты состоит из работы и разговоров по телефону с ее семьей в Ковентри. Она вежлива и иногда присылает нам с Аланом имейлы насчет сбора мусора. И это все. Однажды я спросила, почему она живет в такой дешевой квартире, если может позволить себе что-нибудь получше. Она только пожала плечами и ответила: «Я делаю накопления. Тридцать одна тысяча фунтов».

Сейчас она открывает дверь, и я вижу, что она говорит по телефону.

– О, привет! – говорю я. – Прости, что помешала. Но... Ты видела коробки? Ты что-нибудь сказала Алану?

Анита прикрывает трубку рукой и говорит своим бесстрастным тоном:

– Меня посылают на три месяца в Париж.

– О!

– Вот так.

Следует пауза, и до меня с некоторым опозданием доходит смысл ее слов: «Мне наплевать на эти коробки. Я уезжаю в Париж».

– Ладно, – говорю я. – Хорошо. Желаю хорошо провести время.

Кивнув, Анита закрывает дверь, и я с минуту молча смотрю на эту дверь. Жизнь в лондонской квартире оказалась вовсе не такой, как мне мечталось. Я думала, что будет бурное веселье, заводные друзья, забавные истории на фоне пабов и лондонских достопримечательностей, а также костюмированные балы. Но все вышло иначе. Не могу себе даже представить Аниту в маскарадном костюме.

Честно говоря, я неплохо провела несколько вечеров в компании девушек с моей прежней работы. Но на самом деле мы только пили просекко и болтали. А после я натерпелась такого страха с превышением своего кредита в банке, что поклялась себе пока что не выходить в свет. А в «Купер Клеммоу», по-видимому, никто не ведет светскую жизнь – если только не считать светской жизнью работу допоздна.

Я решительно отворачиваюсь от двери Аниты и думаю: «Какая разница? Ведь у меня завтра ланч с Алексом Эсталисом!» И у меня сразу же улучшается настроение. Все хорошо. Сейчас поужинаю, а потом зайду в инстаграм...

Что такое?

Я в ужасе останавливаюсь на пороге кухни. Тут сплошное море коробок. Ими покрыт весь пол, они стоят в два слоя. Коробки заблокировали подход к кухонным шкафам. И к холодильнику. И к плите.

– Алан! – ору я в ярости и, вернувшись к его двери, колочу в нее кулаками. – Что происходит в кухне?

– Что? – Алан открывает дверь. Вид у него воинственный. – Они не поместились в холле. Это временно, пока я их не продам.

– Но...

– Это мой *бизнес*, понятно? Ты можешь *поддержать* меня?

Он закрывает дверь у меня перед носом, и я злобно смотрю на нее. Нет, от него ничего не добиться. К тому же я умираю с голоду.

Возвращаюсь в кухню и осторожно залезаю на верхний слой коробок. Они такие высокие, что я почти достаю головой до потолка. Я чувствую себя Алисой в этой чертовой Стране чудес. Несомненно, из-за этих картонок легко может возникнуть пожар.

Рискованно покачиваясь на картонке, ухитряюсь открыть холодильник, достать два яйца и положить их на полку, которая на уровне моих колен. В эту минуту мне приходит сообщение в инстаграме от Фай, моей лучшей подруги университетских времен. Теперь я общаюсь с Фай только в инстаграме. Наверно, она забыла, что существуют другие способы общения.

Привет! Как дела? В Центральном парке светит солнышко. Господи, как я люблю это место! Оно великолепно даже зимой. Пьем латте с Дайаной и Джеком, я тебе о них говорила? Они такие ВЕСЕЛЫЕ! Ты должна приехать в гости!

Она прицепила селфи, вероятно, из Центрального парка (я никогда не бывала в Нью-Йорке). Небо ярко-голубое, а нос у Фай розовый. И она смеется над чем-то, что не вошло в кадр. Невольно чувствую легкую зависть.

Фай всегда стремилась жить в Нью-Йорке, как я – в Лондоне. В университете это стало предметом наших постоянных шуток: мы пытались переубедить друг друга. Однажды я подарила ей на Рождество снежный шар с Биг-Беном, а она мне – надувную статую Свободы. Это была игра.

Но сейчас это реальность. После окончания университета я окольными путями попала в Лондон, а Фай отправилась в Нью-Йорк на стажировку. И так и не вернулась. Она по уши влюблена в этот город, и у нее действительно есть компания заводных друзей, которые живут в Вест-Виллидж. Каждый уик-энд они катаются на роликах и посещают блошинные рынки. Фай все время посылает мне фотографии. Теперь она даже пишет по-американски.

Я хочу сказать, что рада за нее. На самом деле рада. Но иногда я представляю себе, как все было бы, если бы она поехала не в Нью-Йорк, а в Лондон. Мы могли бы вместе снять квартиру... все было бы по-другому... Но нет смысла грустить. Я быстро отсылаю сообщение:

У меня все хорошо! Только что поболтала с Аланом и Анитой, мы так хохотали! Жизнь в Лондоне – это безумное веселье!!!

Я наклоняюсь, чтобы помешать яйца, чуть не потянув при этом спину. И как раз когда я собираюсь добавить кайенского перца...

– Ааай!

Я слышу свой крик, еще не осознав случившееся. Коробка подо мной треснула – и я по колено в пакетах с веем. Некоторые из них, должно быть, порвались, потому что по кухне витает белый порошок с отвратительным запахом ванили.

– Что случилось? – Наверное, Алан услышал мой вопль, потому что он с грозным видом стоит на пороге кухни. – Ты угробила мой вей?

– Нет, это вей угробил *меня*!

Кажется, я действительно подвернула ногу. И я вдруг замечаю, что облако порошка вей окутало мою яичницу. Это ужасно, тем более что я не могу приготовить ничего другого. Вся моя еда заблокирована в холодильнике, а я так проголодалась!

Я пытаюсь освободиться от картонки, но чувствую, что каблук зацепился за другой пакетик и разорвал его. (Ой, может быть, не стоит говорить об этом Алану?) Из коробки поднимается еще одно облако порошка, но оно не белое, а бежевое. И пахнет иначе – вкуснее.

– Алан, – говорю я. – Предполагается, что все это – вей с ванилью?

– Это и есть вей с ванилью.

– Нет. – Я достаю из коробки пакетик, который только что разорвала. – Это... – Я смотрю на ярлык. – Порошковый куриный бульон.

– Что? – Я передаю Алану мешочек, и он недоверчиво смотрит на него. – Ну и ну! Какого черта? – Он открывает другую коробку и ныряет в нее. Вытаскивает два полиэтиленовых пакетика и в недоумении на них смотрит. – *Куриный бульон*? – Алан принимается лихорадочно вытаскивать мешочки из коробок и читать ярлыки. – Вей... бульон... еще бульон... О господи! – Он закрывает лицо руками. – Нет! – У него голос как у гориллы, у которой сильно болит голова. – Не-е-е-ет!

Честно говоря, это всего лишь вей. Или не вей. Только и всего.

– Наверно, они перепутали, – предполагаю я. – Позови их – и пусть заменят те, что с бульоном.

– Все не так-то просто! – кричит Алан. – Я брал их у... у...

Он останавливается на середине фразы, и я умолкаю. Я не собираюсь в это вникать, потому что: 1) тут явно что-то подозрительное; 2) это не моя проблема; 3) я *не хочу*, чтобы это стало моей проблемой.

Алан снова напомнил мне моего папу – а уж мне ли не знать своего папу! Он втягивает тебя в свои проблемы. Заставляет почувствовать, что ты не можешь просто повернуться и уйти. И не успеешь оглянуться, как будешь сидеть на телефоне, пытаюсь продать пакеты с куриным бульоном.

– Ну что же, надеюсь, тебе удастся все уладить, – говорю я. – Извини.

Каким-то образом мне удастся вытащить ногу и осторожно проползти по картонкам к двери кухни с тарелкой яичницы в руке. Мне кажется, что я – в дурацком шоу с игрой на выживание и сейчас с потолка спустятся пауки.

– Тебе не нужно немного куриного бульона? – спрашивает Алан. – Я тебе продам. Это первоклассный товар, превосходного качества...

Он это серьезно?

– Нет, спасибо. Мне ни к чему столько куриного бульона.

– Ладно. – Алан открывает следующую коробку, заглядывает внутрь и стонет. У него такой несчастный вид, что я невольно глажу его по плечу.

– Не расстраивайся, – говорю я. – Ты разберешься с этим.

– Эй! – Он поднимает глаза, и в них загорается надежда. – Кэт.

– Да?

– А как насчет того, чтобы приласкать?

– Что? – Я смотрю на него, ничего не понимая. – Что ты имеешь в виду?

Алан указывает на себя, словно это очевидно.

– Тебе же меня жаль, не так ли?

– Э-э... Немного, – осторожно произношу я.

– Вот и приласкай.

Э-э, я что-то недопонимаю?

– Алан... – Я сама не могу поверить, что задаю вслух подобный вопрос. – С какой стати я должна тебя приласкать?

– Потому что тебе меня жаль. Вот почему. – Он тянется к моему задку, и я отодвигаюсь. (Ну хорошо, отпрыгиваю.)

– Нет!

– Что нет?

– Просто... нет! Нет – и все! Никаких ласк из жалости. Ни за что. Никогда. – И, подумав, добавляю: – Прости.

Алан смотрит на меня с укором и снова ныряет в коробку.

– Значит, ты бессердечная.

– Бессердечная только потому, что не хочу тебя приласкать? – восклицаю я в ярости. – Знаешь что... Заткнись!

Я иду в свою комнату, закрываю дверь и плюхаюсь на односпальную кровать. Моя комната настолько мала, что в ней нет места для платяного шкафа. Поэтому я держу все свои вещи в гамаке, который висит у меня над кроватью. (Вот почему я ношу в основном вещи, которые не нужно гладить. К тому же они дешевые.) Сажусь на постели по-турецки, скрестив ноги, и отправляю в рот кусок яичницы-болтуньи. И сразу же содрогаюсь от ужасного синтетического привкуса ванилина. Мне нужно прекратить злиться. Нужно успокоиться и познать дзэн. Я должна отвлечься.

Захожу в инстаграм и, немного подумав, отправляю фото «Осколка»⁸, сопроводив надписью: *«Еще один изумительный день: работа, развлечения, не хватает времени для отдыха»*. Затем нахожу шикарную фотку: чашка горячего шоколада с маршмеллоу, – я сделала ее на днях. Вообще-то, это не мой шоколад – просто он стоял на столике, на тротуаре перед кафе в Марилебон. Девушка, сидевшая за столиком, ушла в туалет, а я быстренько щелкнула.

О'кей, а теперь начистоту. Я осторожно заглядываю в дорогие кафе, чтобы сделать фотки для инстаграма. Что в этом плохого? Я же не говорю, что *пила* этот шоколад. Я говорю: *«Посмотрите, горячий шоколад!»* А если люди подумают, что он мой... Ну что же, это их дело.

Я отправляю фоточку с надписью: *«Кайф!»* – и через несколько минут приходит новое сообщение от Фай:

Жизнь в Лондоне просто супер!

Я отсылаю ответ:

Так и есть!

Затем добавляю:

А у меня завтра свидание!..

Я знаю, что это заинтригует Фай, и, разумеется, через десять секунд приходит ответ:

СВИДАНИЕ? Выкладывай!!!

Ее реакция возносит меня на вершину блаженства. Знакомство с Алексом, ходили на крыше... У меня такое чувство, будто передо мной открывается дверь. Дверь во что-то иное... Ну, не знаю... может быть, в какое-то новое существование. И все же... Любые отно-

⁸ Небоскреб в Лондоне, построенный в 2012 году.

шения с чего-то начинаются, не так ли? Например, Ромео и Джульетта начали с того, что влюбились друг в друга с первого взгляда.

Ну хорошо. Пример неудачный.

Пока что нечего выкладывать. Буду держать тебя в курсе.

Я добавляю бокал с коктейлем и смайлик, а потом – просто для смеха – сердечко.

Отослав сообщение, я снова принимаюсь за эту ужасную яичницу. Потом, под влиянием порыва, просматриваю свои предыдущие посты в инстаграме, любуюсь картинками. Лондонские кафе, достопримечательности, бокалы с выпивкой и улыбающиеся лица (в основном иностранцы). Все это похоже на кино – ну и что тут плохого? Масса народу в инстаграме использует цветные фильтры. А вот мой фильтр: «Мне бы хотелось, чтобы так было».

Не то чтобы я лгала. Я действительно была в этих местах, даже если и не могла позволить себе горячий шоколад. Просто я не застреваю на неприятностях – таких как транспорт, или цены, или гамак со всеми моими вещами. Не говоря уже о яичнице с привкусом ванилина и о несносных соседях по квартире. А смысл вот в чем: это то, к чему нужно стремиться. В один прекрасный день моя жизнь непременно станет такой, как на фотографиях в моем профиле. В один прекрасный день.

Глава 5

«Парк-Лейн» всегда была моим святым Граалем. Это самая большая комната для заседаний в «Купер Клеммоу», с массивным полированным столом красного дерева и разноцветными стульями. Я всегда воображала, что, сидя за этим столом, чувствуешь себя так, словно заседаешь в кабинете министров. И всегда считала, что это креативное сердце агентства: люди там вдохновляются, а идеи так и носятся над столом. В «Парк-Лейн» прокладываются новые пути бренда и творится история.

А теперь я здесь... И это просто совещание. Никто и не думает прокладывать новые пути. Пока что обсуждали только один вопрос: был ли ошибкой оранжевый лимитированный выпуск «Крейз Бар». («Крейз Бар» – наш клиент, и мы делали дизайн упаковки для лимитированного выпуска. Но теперь они прислали нам десять полных коробок, и это всем осточертело.)

– Черт возьми! – Деметра прерывает заседание и театральным жестом указывает на телефон. – Адриан хочет со мной переговорить. Я вернусь через пару секунд. – Поднимаясь со своего места, она бросает взгляд на Розу. – Вы можете продолжить? Проинформировать всех о ЙоСК?

– Конечно. – Роза кивает, и Деметра выходит из комнаты.

На ней сегодня обалденная замшевая юбка с бахромой. Пока Деметра идет к двери, не могу отвести от нее взгляд.

– О'кей, – обращается Роза к собравшимся. – Итак, Деметра хочет, чтобы я рассказала вам о нашем новом потенциальном клиенте, ЙоСК, или «Йогурт от Счастливой Коровы». Это органический йогурт с какой-то фермы в Глостершире. – Роза пускает по кругу дешевые буклеты с изображением горшочков с йогуртом, простым логотипом, набранным «гельветикой», и нечеткой фотографией коровы. – Их основная мысль заключается в том, что над молочными фермами нависла угроза, но их продукты действительно хороши и... э-э... – Роза заглядывает в свои записи. – Их коровы едят органическую траву – словом, что-то в этом роде. – Она поднимает глаза. – Кто-нибудь знает хоть что-то о молочных фермах?

Все разражаются смехом.

– Молочные фермы?

– Я так боюсь коров! – говорит Флора. – Нет, серьезно.

– Да, боится, – подтверждает Лиз. – В Гластонбери мы видели коров, и Флора пришла в ужас. Она подумала, что это быки. – Лиз покатывается со смеху.

– Это и были быки! – кричит Флора. – Они могли забодать! А запах! Не знаю, как только к ним могут подходить близко!

– Так кто поедет на ферму, чтобы встретиться со Счастливыми Коровами? – Роза насмешливо ухмыляется.

– О господи! – Флора высоко поднимает брови. – Вы только вообразите!

– А ну-ка, девонька... – Марк подражает сельскому выговору. – Пора доить коров, Флора. Ступай-ка в коровник, девонька, да поживее!

Я уже дважды открывала рот и сразу же закрывала. Знаю ли я что-нибудь о коровах? Да я выросла на молочной ферме! Но что-то мешает мне заговорить. Я вспоминаю о бирмингемских девицах, которые называли меня «Кейти с Ферррмы», и меня передергивает. Лучше я немного пережду и посмотрю, как повернется разговор.

– Деметра хочет, чтобы мы выдали идеи. – Роза обводит нас взглядом. – Когда я говорю «сельская местность», что вам приходит на ум? – Она встает и берет маркер. – Давайте немного займемся словесными ассоциациями. Итак, «сельская местность»...

– «Вонь», – сразу же говорит Флора. – «Ужас».

– Я не стану записывать «вонь» и «ужас», – нетерпеливо произносит Роза.

– Тебе придется, – возражает Лиз.

И это правда. В «Купер Клеммоу» следуют девизу: «Каждый голос должен быть услышан». Так написано в документе, излагающем принципы нашего агентства. Так что даже если вы высказываете абсолютно дурацкую идею, все должны отнестись к ней с уважением, потому что она может привести к чему-нибудь блестящему.

– Прекрасно. – Роза пишет на доске «вонь» и «ужас», потом бросает сердитый взгляд на Флору. – Но это вряд ли поможет продать йогурт. Ты бы купила вонючий, ужасный йогурт?

– На самом деле я не ем молочные продукты, – отвечает Флора с легким презрением. – А у них, скажем, есть йогурт из миндального молока?

– Конечно, нет! – Роза закатывает глаза. – Это же, черт возьми, молочная ферма, а не миндальная!

– Погоди-ка. – Флора смотрит на нее округлившимися глазами. – Разве миндальное молоко действительно *делают из миндаля*? Я думала, оно просто... ну, не знаю. Просто название или что-то в этом роде.

Роза хохочет, с изумлением глядя на Флору:

– Флора, ты это серьезно?

– А тогда как же они его делают? – не сдается Флора. – Как они получают молоко из миндаля? Что они, *доят* его? Выжимают из него молоко?

– Это миндальное масло, – предполагает Марк.

– Так что же все-таки они делают?

У Розы растерянный вид, но через минуту она приходит в себя и отрезает:

– Я не знаю! И мы говорим не о миндальном молоке, а о коровьем. О молоке от коровы.

– На самом деле... – начинаю я, поднимая руку. – Я немного знаю о...

– Ну, как дела? – Деметра прерывает меня, влетая в комнату с кипой бумаг в руках.

– Безнадёжно! – отвечает Роза. – Вот все, что у нас есть. – Она указывает на «вонь» и «ужас».

– Мы ничего не знаем о коровах, – резко произносит Флора. – И о сельской местности.

– И о миндале, – вставляет Марк.

– О'кей, люди. – Как обычно, Деметра берет бразды правления в свои руки. Она кладет бумаги на стол и хватает маркер. – К счастью, я знаю сельскую местность – в отличие от вас, бедных городских созданий.

– В самом деле? – У Флоры ошеломленный вид, а я смотрю на Деметру новыми глазами. Она знает сельскую местность?

– Прекрасно знаю. Я езжу в Бабингтон-Хаус по крайней мере четыре раза в год, так что знаю все изнутри. – Она с вызовом смотрит на нас. – И истина заключается в том, что сельская местность очень крутая. – Деметра зачеркивает «вонь» и «ужас» и начинает писать: – Вот ключевые слова: *Органическое. Натуральное. Рукоделие. Ценности. Исконное. Мать земля*. Как же это должно выглядеть... – Она с минуту размышляет. – Коричневая бумага, изготовленная из бумажных отходов. Органическая конопля. Бечевка. Ручная выделка. И еще нужна какая-нибудь история. – Она берет в руки буклет. – Мы не станем писать: «Это йогурт от коровы». – Она стучит по фотографии. – Мы напишем: «Это йогурт от английского лонгхорна по имени Молли». И будем проводить соревнование: «Приведите ваших детей подоить Молли».

Я закусываю губу. Корова на фото – не английский лонгхорн, а гернсейская. Но я не уверена, что поправлять Деметру насчет пород коров на людях – такая уж блестящая идея.

– Это хорошо! – одобряет Роза. – Я понятия не имела, что вы так глубоко знаете сельскую местность, Деметра.

– Имя «Деметра» на самом деле означает «богиня плодородия», – с самодовольным видом отвечает Деметра. – Во мне есть что-то очень сельское, близкое к земле. Я имею в виду, что всегда делаю покупки на фермерских рынках, если есть такая возможность.

– О, я *обожаю* фермерские рынки, – вторит ей Флора. – Например, эти яйца в корзинке с соломой! Это так очаровательно.

– Вот именно! *Солома*. – Деметра кивает и записывает на доске слово «солома».

– О, я уже это вижу, – кивает Марк и что-то строчит в своем блокноте. – Все натуральное. Этот йогурт – не массовая продукция, его готовят вручную.

– Вот именно. Вручную. Очень хорошо. – Деметра пишет на доске «вручную».

– Итак... – Марк делает паузу. – Может быть, деревянный горшочек для йогурта?

– О боже! – восклицает Флора. – Это *гениально*. Деревянные горшочки для йогурта! Их можно коллекционировать и, скажем... держать в них что-нибудь! Например, карандаши, косметику...

– Очень дорого, – задумчиво произносит Деметра. – Но если бы мы превратили это в ультраультрабренд... – Она задумчиво хлопывает маркером по руке.

– Премиальные цены, – кивает Роза.

Я знаю о премиальных ценах: это когда вы повышаете цены, а покупатели думают: «*О, это должно быть что-то хорошее*», – и покупают гораздо больше товара.

– Я думаю, люди заплатят много денег за деревянный горшочек с йогуртом, сделанным вручную, – серьезно произносит Марк. – И с именем коровы, напечатанным на горшочке.

– Давайте придумывать имена, – говорит Роза. – Имя коровы крайне важно. Фактически, это главное.

– Дейзи, – предлагает Флора.

– Только не Дейзи, – решительно возражает Лиз.

– Что-нибудь еще? – обращается ко всем Деметра, и я поднимаю руку. Ведь я так рвалась на это совещание – и теперь я *должна* внести свой вклад.

– Можно отметить, что они хорошо ухаживают за своими коровами, – отваживаюсь я. – Я имею в виду, что раз это называется «Йогурт от Счастливой Коровы», то коровы должны быть счастливыми, правда? И мы могли бы использовать эту идею в имидже?

– Да! – Деметра ухватывается за мою идею. – Благополучие животного – *блестяще*! – Она записывает на доске «счастливые ухоженные коровы» и подчеркивает эти слова. – Молодец.

Она благосклонно мне кивает, и я расцветаю. Я внесла вклад в это совещание! Пусть совсем маленький. Но это начало.

После совещания я отсылаю Деметре результаты опроса. В ответ она присылает сообщение, в котором просит сделать это в другом формате. С одной стороны, это жуткая канитель. Но с другой стороны, я хотя бы не буду сидеть все утро сложа руки и изводиться насчет предстоящего свидания. Я занята; я сосредоточенна; я даже не думаю о ланче...

О'кей, а теперь начистоту: это вранье. Я ужасно извожусь. А как же иначе? Это же Алекс Эсталис. Он обалденный! Теперь я это понимаю – после того, как прошлой ночью битых два часа читала о нем в «Гугле».

Как я могла считать его обычным парнем? Как могла подумать, будто он *стажер*? Вот в чем проблема, когда встречаешь людей в реальной жизни: к ним не прилагается информация. А может быть, это и хорошо. Если бы я знала, что он такая важная персона, то никогда бы не стала разгуливать вместе с ним на ходулях.

В любом случае пора идти. Я убираю волосы за уши, потом опять начесываю на уши. Снова переделываю. Ну, не знаю... По крайней мере, челка в порядке. Когда я сделала себе челку, то понятия не имела, сколько с ней возни. Если бы я ежедневно ее не выпрямляла, она

бы торчала каждое утро. Типа: *«Привет! Я твоя челка! А я-то думала, что весь день буду стоять под углом сорок пять градусов. Ты не возражаешь?»*

Ну все, действительно пора идти.

Я неловко поднимаюсь в полной уверенности, что сейчас все отвернутся от мониторов и спросят: *А куда это ты идешь?* Но они, конечно, не делают ничего подобного. Никто даже не замечает, что я ухожу.

Рождественская ярмарка не так уж близко от офиса. Когда я до нее добираюсь, щеки у меня покраснелись и я запыхалась. Очевидно, эта ярмарка работает каждый декабрь, но никто не знает, как ее назвать. Это рынок, плюс кафе, плюс рождественский базар. С «пряничным домиком» для детей, глинтвейном для взрослых и рождественскими гимнами, доносящимися из колонок.

Сразу же вижу Алекса, который стоит возле киоска, где продают глинтвейн. На нем куртка, фиолетовый шарф и серая хипстерская шапка, а в руках – два пластиковых стаканчика с глинтвейном. Заметив меня, он улыбается и говорит, словно продолжая прерванный разговор:

– Видите ли, есть проблема. Вот карусель, но никто на ней не катается. – Он указывает на карусель. Действительно, на лошадках сидит только пара малышей, и у обоих ужасно испуганный вид. – Все дети в школе, – добавляет Алекс. – Или ушли домой на ланч. Я наблюдал, как они исчезают. Глинтвейну? – Он протягивает мне стакан.

– Спасибо!

Мы чокаемся пластиковыми стаканчиками, и во мне поднимается радостная волна. Это чудесно – независимо ни от чего. Я имею в виду, что никак не могу понять, деловое это свидание или... вовсе не деловое... Но, как бы то ни было, все чудесно.

– Итак, за работу. – Алекс осушает свой стакан. – Вопрос вот в чем: можем ли мы создать бренд для этого места?

– Что? – спрашиваю я в недоумении.

– Для этой ярмарки.

– Вот для *этого*? – Я озираюсь. – Вы имеете в виду ярмарку? Рынок?

– Вот именно. – Его глаза загораются. – Они даже не знают, как его назвать, но хотят развернуться по всему Лондону. Делать деньги на сезонных праздниках в широком масштабе. Кафе. Реклама. Привлекательный ассортимент.

– Хорошо. Вау! – Я смотрю другими глазами на ларьки и китайские фонарики. – Ну что же, люди любят Рождество. И ярмарки.

– Но что именно? – уточняет Алекс. – Кафе с изысканным меню? Развлечения для детей? Ярмарку поделок? Или еще что-нибудь? – Он размахивает пустым стаканчиком. – Как вам глинтвейн?

– Очень хороший, – искренне говорю я.

– А вот карусель... – Он морщит нос. – Довольно печальное зрелище, верно?

– Может быть, им нужно сосредоточиться на еде? Еда – это великое дело. Или им нужно что-нибудь другое?

– Хороший вопрос. – Алекс направляется к карусели. – Давайте опробуем ее.

– Что?

– Мы же не сможем оценить карусель, если на ней не прокатимся, – серьезным тоном говорит он. – После вас.

Он указывает на лошадок, и я усмехаюсь в ответ:

– Ну что же, о'кей!

Я забираюсь на лошадку и роюсь в сумке в поисках кошелька, но Алекс поднимает руку.

– За мой счет. Точнее, за счет компании. Это важное исследование. – Он забирается на соседнюю лошадку и платит служителю – угрюмому парню в парке. – Наверное, придется ждать, пока к нам присоединятся толпы, – замечает Алекс, и я не могу удержаться от смеха. Здесь только мы и малыши – больше никого не видно. – В ваше нерабочее время, – бодро обращается Алекс к парню в парке, который нас игнорирует.

Чувствую, что мою челку треплет ветер, и безмолвно ее проклиная. Почему она не может оставаться на месте? Это очень странно – сидеть на деревянной лошадке рядом с парнем, который теоретически – мой босс. Но он не похож на босса. Вот Деметра похожа на босса. Даже Роза немного похожа на босса. А этот парень... У меня сжимается сердце от сладкой муки.

С ним так весело! Сколько ума, бесшабашности, остроумия и обаяния! Это мужчина, встречи с которым я ждала с тех пор, как перебралась в Лондон. Нет, еще когда захотела перебраться в Лондон.

Я украдкой окидываю Алекса взглядом, и меня пробирает дрожь. Этот многозначительный блеск в глазах, эти скулы, эта улыбка...

– Так как дела с продукцией из Азии? – спрашиваю я. – С ходулями и со всем остальным?

– Ах, это... – он хмурится. – Мы отказываемся от этого проекта. Считаем, что из этого вряд ли что-нибудь получится: ведь придется сотрудничать с «Сидни Смит».

Я разочарована. Пожалуй, я уже рисовала себе, как работаю над этим проектом вместе с Алексом. (О'кей, а теперь начистоту: я *вовсю* фантазировала, как мы с ним работаем над этим проектом. Может быть, мы засидимся допоздна, и все закончится страстными объятиями на блестящем полированном столе в «Парк-Лейн».)

– Значит, голова одержала верх над сердцем.

– Верно.

– Жаль, – говорю я, и на лице у Алекса появляется кривая усмешка.

– Головы. Сердца. Все та же старая история.

– Хотя *на самом деле*, – продолжаю я, немного поразмыслив, – может быть, победило все-таки сердце. Возможно, вы просто не хотите работать с «Сидни Смит». Считаете, что это разумное деловое решение, но тут сработала личная неприязнь.

Не знаю, откуда у меня взялась уверенность, чтобы высказаться так откровенно. Может быть, все дело в том, что мы оба сидим на лошадках карусели.

– А вы проникательны, не так ли? – Алекс пристально на меня смотрит. – Думаю, вы правы. Честно говоря, мы просто не любим этих ребят из «Сидни Смит».

– Вот именно!

– А есть ли вообще разница между головами и сердцами? – Кажется, Алекс увлечен этой темой.

– Люди говорят «голова против сердца», – размышляю я вслух. – Но они имеют в виду «одна часть головы против другой части головы».

– Или «сердце против сердца»? – Алекс смотрит на меня, и его глаза как-то странно блестят.

Возникает маленькая пауза. Может быть, все дело в том, как он смотрит на меня? Или как он произнес слово «сердце»? Мое собственное сердце начинает бешено колотиться.

Но тут Алекс наклоняется, нарушив чары.

– О, у вас растрепались волосы.

Я сразу же забываю об азиатской продукции, головах и сердцах. Моя чертова *проклятая* челка!

Он смеется:

– Все не так ужасно.

– Нет, ужасно. Мне вообще не следовало подрезать челку, но... – Я резко умолкаю. Не могу же я сказать: «*Но я хотела создать другой имидж*».

– Это просто... ветер... – Он наклоняется ко мне. – Можно?

– Конечно. Нет проблем.

Он осторожно поправляет мою челку. Я совершенно уверена, что это противоречит правилам компании. Боссы же не должны поправлять прическу подчиненных?

Теперь лицо Алекса – всего в нескольких дюймах от моего, и он изучает меня с открытым интересом. Я встречаюсь с ним взглядом, и мне кажется, что в его глазах промелькнул какой-то вопрос... Неужели?

О господи, я все это *придумала*! Мои мысли бешено скачут. Я чувствую, что между нами пробежала искра. Но ведь мы познакомились только вчера, и я даже не знаю, свидание ли это. Он мой босс, и я ни в чем не уверена...

Карусель внезапно приходит в движение, и Алекс, склонившийся ко мне, слетает со своей лошадки.

– Черт возьми! – Он хватается за ее шею.

– Боже! – кричу я. – Держитесь!

Лошадки дальше друг от друга, чем казалось, и Алекс повис между ними. Он выглядит как герой боевика, который висит между двумя автомобилями. (Ну, не совсем герой боевика: все-таки это карусель, и уже заиграла веселенькая музыка, а малыш указывает на него пальцем и вопит: «Дядя упал с лошадки!»)

Руки Алекса хватаются за шею моей лошадки, и я невольно смотрю на них. У него тонкие пальцы и сильные запястья. Один рукав задрался, открыв крошечную татуировку – якорь.

– Мне следовало сначала брать уроки верховой езды, – говорит Алекс, пытаюсь выпрямиться.

Я киваю, с трудом подавляя смех:

– Лошадки на карусели действительно довольно опасны. Это безрассудная храбрость.

– Легкомыслие, – соглашается он.

– Эй вы! – человек в парке наконец замечает Алекса. – Перестаньте дурачиться!

– О'кей! – Сделав неимоверное усилие, Алекс усаживается в седло.

Лошадки мчатся по кругу, и я улыбаюсь Алексу.

– Это потрясающе! – кричит он, перекрывая музыку.

– Да! – отвечаю я. – Мне нравится!

Я хочу запечатлеть этот момент в памяти. Кружение на карусели вместе с обалденным остроумным парнем... Рождество... Не хватает только нескольких падающих снежинок – и тогда картинка станет идеальной.

– Роза! – Алекс вдруг кого-то окликает, и моя картинка распадается. Роза? Кто же это... *Роза?* – Мы здесь, наверху! – Алекс машет. – Джерард! Роза!

Это Роза, в своем темно-зеленом пальто. Она с недоумением смотрит на нас. Рядом с ней какой-то мужчина с седыми волосами, которого я не знаю, возится со своим айфоном. Когда карусель останавливается, сияние в моей душе меркнет. Да, это *определенно* не свидание.

Впрочем, я и не думала, что это свидание. *Действительно не думала*. Я только полагала, что это слегка *похоже* на свидание.

Было ли это похоже на свидание? Хотя бы несколько минут?

Мы оба слезаем с лошадок, а Роза без улыбки наблюдает за нами. Я вдруг чувствую себя неловко от того, что мы туда забрались. Алекс направляется прямо к Розе и седому мужчине.

– Привет! Роза, ты знакома с Кэт.

– Джерард, – представляется мужчина, и мы обмениваемся рукопожатиями.

– Что ты здесь делаешь, Кэт? – нахмурившись, спрашивает Роза. – Я не знала, что ты участвуешь в этом проекте.

– Я включил ее в группу, – непринужденно сообщает Алекс. – Лишняя пара глаз. А где остальные?

– В пути, – отвечает Роза. – И я действительно считаю, Алекс, что тут все дело в специфике. Я сегодня говорила с Дэном Харрисоном. Он выражается очень туманно...

Она направляется к ларькам; Алекс, по-видимому, размышляет над словами Розы; Джерард посылает сообщение.

Я тащусь сзади, чувствуя, что совсем запуталась. Значит, это с самого начала было связано с работой и я заблуждалась? И никакой искры не было – я ее придумала? Неужели я просто провинциальная дуручка, которая втрескалась в своего босса?

Но тут Алекс оборачивается и подмигивает мне. Он как будто говорит: *ты и я*. И хотя я только вежливо улыбаюсь, на душе становится тепло. Значит, мне ничего не показалось. Что-то было. Не знаю точно, что именно, – но что-то было точно.

Я покидаю рождественскую ярмарку раньше остальных. Алекс поглощен долгим телефонным разговором с Нью-Йорком, а Роза ясно дала понять, что мне следует вернуться к анкетам.

– Замечательно, что ты внесла свой вклад, Кэт, – говорит она. – Мы рады выслушать мнение младших сотрудников. Это круто, что Алекс тебя пригласил. Но тебе ведь действительно нужно продолжить это исследование, не так ли?

В ее голосе звучит металл. Таким образом, даже не попрощавшись с Алексом, я удаляюсь. Но я вовсе не пала духом – напротив. Добравшись до офиса, весело взбегаю вверх по лестнице. А когда я приближаюсь к своему столу, то мурлычу мотив, который звучал на карусели.

Флора поднимает голову.

– Привет, Кэт. Я тебя искала. Послушай, ты не хочешь сходить в субботу в Портобелло?⁹

– Вау! – вскрикиваю я в восторге. – Конечно! С удовольствием! Спасибо!

Не прыгай от восторга, укоряю я себя. Это всего лишь поход на рынок Портобелло. Ничего особенного. Люди делают это постоянно.

Но дело в том, что я-то этого не делаю. В выходные мне бывает немного одиноко, хотя я никогда не призналась бы себе в этом.

– Отлично! – говорит Флора, просяив. – Сначала ты зайдешь ко мне домой – мы живем за углом. А потом мы отправимся за рождественскими покупками...

Флора весело щебечет, а я сижу за столом и млею от счастья. Жизнь налаживается! Во-первых, интересный мужчина... на горизонте. А еще я иду на Портобелло вместе с Флорой. Теперь можно заинстаграмить кучу крутых картинок – причем это будет правда. В кои-то веки – да, *в кои-то веки* – это будет правда.

⁹ Портобелло-Роуд – уличный рынок в Лондоне, известный своими антикварными лавками.

Глава 6

Назавтра выдается ясный зимний день. Утро такое солнечное, что, когда я выхожу из дома, хочется надеть темные очки. Остановившись на пороге, чтобы смазать губы бальзамом, вижу у калитки Алана. Он разворачивает свой велосипед и ведет спор с какой-то удивительной девочкой-подростком.

У нее блестящая кожа цвета латте, голубовато-зеленые глаза и очень короткая стрижка. Из-под школьной форменной юбки торчат длинные ноги. В руках у нее пачка листовок – по-видимому, именно против них направлен гнев Алана.

– Вся благотворительность коррумпирована, – говорит он сварливо. – Я больше этим не занимаюсь. Все это происки менеджмента и рекламы в метро. Я не стану давать деньги на рекламу в метро. Нужно помогать кому-то конкретному, какому-то *реальному* лицу.

– Я реальное лицо, – возражает девочка. – Меня зовут Садиква.

– Но я же это не знаю, верно? – говорит Алан. – Откуда мне знать, не мошенница ли ты?

– Хорошо, не давайте мне денег, – раздраженно произносит девочка. – Просто подпишите петицию.

– Да? А что вы потом сделаете с моей подписью? – Алан поднимает брови, как бы говоря: *Я победил*, – и забирается на велосипед. – А эта дорожка – частная собственность, – добавляет он, указывая на нашу грязную захламленную дорожку перед домом. – Так что не бери ничего такого в голову.

– Ничего такого? – Девочка удивленно смотрит на него. – Что именно?

– Точно не знаю. Но я тебе говорю: это частная собственность.

– Вы думаете, я собираюсь оккупировать вашу дорожку перед домом или типа того? – недоверчиво говорит девочка.

– Я просто говорю: частная собственность, – бесстрастно повторяет Алан.

Он уезжает, а девчонка ржет от ярости как лошадь.

– Придурок! – восклицает она, и мне приходится с ней согласиться.

– Привет! – говорю я, приближаясь к ней. Мне хочется загладить грубость Алана. – Ты собираешься на что-то деньги?

– Это петиция про общественный центр, – объясняет девочка.

Она вручает мне листовку с заголовком «Спасите наш общественный центр». В листовке говорится о сокращении дотаций и о будущем детей – и, похоже, это настоящее дело. Поэтому я кладу девочке в жестянку несколько фунтов и подписываю петицию.

– Удачи! – говорю я и направляюсь к дороге.

Минуту спустя я обнаруживаю рядом с собой чье-то присутствие. Оглянувшись, я вижу, что Садиква идет за мной.

– Что такое? – спрашиваю я. – Тебе что-то нужно?

– А что вы делаете? – непринужденно спрашивает она. – Ну, ваша работа и все такое.

– О, я занимаюсь брендами. Создаю имиджи и логотипы для товаров. Это на самом деле интересно, – добавляю я на всякий случай. А вдруг это мой шанс Вдохновить Младшее Поколение? – Это трудная работа, но оно того стоит.

– Вы знаете кого-нибудь в музыкальном бизнесе? – продолжает Садиква, как будто я ничего и не говорила. – Потому что мы с моей подругой Лейлой сделали пробную запись. – Она достает из кармана CD. – Это сделал дядя Лейлы. Нам просто нужно, чтобы это прослушали.

– Классно! – подбадриваю я девочку. – Молодцы.

– Может быть, вы возьмете диск? – Она сует CD мне в руки. – И устройте нам прослушивание?

Прослушивание? Но кого же попросить?

– Я никого не знаю в музыкальном бизнесе, – объясняю я. – Извини...

– Но бренды – это же музыка, правда?

– Ну, не совсем...

– А музыка в рекламе? – настаивает Садиква. – Кто пишет музыку к рекламе? Кто-то же это делает, им нужны мелодии, так? – Она смотрит на меня своими голубовато-зелеными глазами. – Они же ищут новые мелодии?

Ее настойчивость вызывает восхищение. И она права: кто-то действительно пишет музыку к рекламе, хотя я понятия не имею, кто именно.

– Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать. – Я беру CD и кладу себе в сумку. – Ну, удачи тебе во всем...

– Вы знаете кого-нибудь в модельном агентстве? – без малейшей паузы продолжает она. – Моя тетя говорит, что я должна стать моделью. Правда, я недостаточно высокая, но какое это имеет значение на фото? Типа у них же есть фотошоп, так что это неважно. Вовсе не обязательно быть высокой и худой: ведь есть фотошоп. Просто используйте фотошоп – понимаете, что я имею в виду? *Фотошоп*. – Она смотрит на меня с надеждой.

– Верно, – осторожно соглашаюсь я. – На самом деле, я тоже мало знаю о модельном бизнесе. Прости, но мне действительно нужно идти...

Садиква кивает, и взгляд ее выражает покорность судьбе и разочарование, как будто она не ожидала от меня ничего иного. Потом, легко приноровившись к моему шагу, она сует руку в карман.

– Вам нужны украшения? Я делаю украшения. – Она вытаскивает браслеты из бусинок и подает мне. – Пятерка за каждый. Их покупают для своих друзей, типа того.

Я не могу удержаться от смеха.

– Не сегодня, – говорю я. – Может быть, в другой раз. А разве ты не должна собирать деньги для своего общественного центра?

– Ах, это... – Садиква с философским видом пожимает плечами. – Его в любом случае закроют. Я просто собираю деньги – типа, мы все собираем.

– А чем именно занимается этот центр?

– Разным. Например, там кормят детей завтраком. Я всегда там завтракала, потому что моя мама никогда... – Садиква резко обрывает фразу, на минуту теряя весь свой задор. – Там дают корнфлекс и все такое. Но это стоит денег. Каждый день давать корнфлекс – это стоит денег, да?

Я молча смотрю на девочку. Она мне нравится. Садиква забавная и энергичная и действительно очень красивая – даже без фотошопа.

– Дай мне еще несколько листовок, – прошу я. – Может быть, мне удастся помочь тебе со сбором денег.

В офисе нахожу в шкафу старый дисковод и, подключив его к своему компьютеру, слушаю CD Садиквы. Очевидно, я надеялась, что он меня поразит и я открою новую звезду. К сожалению, это всего две девчушки, которые поют песню Рианны, а потом хихикают. Но я решаю сделать все, что могу. И я обязательно попытаюсь собрать деньги для ее общественного центра.

У меня нет ни конкретных планов, ни идей, и я определенно не собираюсь это ни с кем обсуждать. Но когда вечером я ухожу из офиса, то вижу Алекса, который тоже ждет лифт. И я в панике ищу, что бы такое сказать. Уже девять часов вечера (мне нужно было наверстывать дела), так что я не ожидала никого увидеть. А тем более его.

Я не видела Алекса после вчерашней карусели, но, конечно, вспоминала о нем примерно девяносто пять тысяч раз. Приближаясь к нему, чувствую, что заливаюсь краской. О

чем же говорить с привлекательным мужчиной, с которым, по-видимому, намечается что-то вроде романа? Я не решаюсь посмотреть ему в глаза.

– Привет, – говорит Алекс с улыбкой. – Допоздна работаете.

– Привет, – отвечаю ему улыбкой. – Нужно было кое-что сделать. – И вдруг я выпаливаю в панике: – Есть одно важное дело, которое я хочу предложить нашей компании в качестве благотворительной деятельности.

Это не совсем так. Я не знаю, действительно ли это важное дело – просто поверила на слово Садикве. Но сейчас мне срочно требуется тема для разговора.

– Вот как? – говорит Алекс с заинтересованным видом.

– Это общественный центр неподалеку от моего дома, в Кэтфорде. Там раздают детям завтраки и все такое, но он закрывается. Знаете, сокращение дотаций... – Я вынимаю из сумки листовку и вручаю ему. – Вот.

– Молодец, – говорит Алекс, просматривая листовку. – Ну что же, мы рассмотрим это и включим в план следующего года. Или вы хотели пока что организовать какое-то мероприятие по сбору средств? Что вы придумали?

Двери лифта открываются, и мы вместе входим. Конечно, теперь в голове *абсолютно* ничего нет. Сбор средств. Сбор средств. Продажа капкейков? Нет.

– Что-нибудь такое... захватывающее? – бормочу я, хватаясь за соломинку. – Чтобы чувствовать, что это что-то тебе дает – помимо сбора средств? Что-то вроде марафона – но не марафон, – поспешно добавляю я.

– Что-нибудь захватывающее и трудное – но не марафон, – задумчиво произносит Алекс, когда мы выходим из лифта в пустой, тускло освещенный вестибюль. – Я скажу, какая вещь самая трудная в мире: это проклятое лыжное упражнение. Мой тренер заставил меня делать его вчера вечером. Ублюдок, – добавляет он так злобно, что мне хочется засмеяться.

– Что за лыжное упражнение? – спрашиваю я, потому что никогда не делала никаких лыжных упражнений. Да и на лыжах не стояла, коли на то пошло.

– То, при котором нужно сидеть у стены. Это пытка! Ну, вы знаете. – Он смотрит на меня. – Не знаете?

Он подходит к стене и садится возле нее в напряженной позе.

– По-моему, это не так уж трудно, – замечаю я просто для того, чтобы завести его.

– Шутите? А сами *пробовали*?

– Ну ладно, – усмехаюсь я. – Вызов принят.

Я сажусь у стены в паре ярдов от Алекса, и на некоторое время воцаряется тишина. Мы сосредоточены на своей задаче. У меня довольно сильные бедра: я долгие годы ездила верхом. Однако я уже чувствую, как они начинают гореть. Вскоре я ощущаю сильную боль, но не собираюсь сдаваться, *не собираюсь...*

– Ну как? – тяжело дыша, осведомляется Алекс.

– Это и есть упражнение? – спрашиваю я. – И оно считается *трудным*? А я-то думала, что мы только разогреваемся.

– Ха-ха-ха, очень смешно... – Алекс сильно разругался. – О'кей, вы победили. Я выдохся.

Он сползает на пол – как раз когда я чувствую, что больше не выдержу. Я заставляю себя продержаться еще три секунды и затем опускаюсь на пол.

– Только не говорите, что могли бы продержаться еще полчаса, – говорит Алекс.

– Да, могла бы, – немедленно отвечаю я, и Алекс смеется. Он смотрит на меня, и в его глазах что-то такое... что я видела прежде. Что-то типа *ты и я*.

С минуту никто из нас не произносит ни слова. Это одна из тех маленьких пауз, когда ты определяешь свою позицию в разговоре. Но я снова впадаю в панику и направляю беседу в безопасное русло.

– Я не уверена, будет ли это популярно в смысле сбора средств, – говорю я, поднимаясь на ноги.

– Но это же легче, чем марафон, – замечает Алекс.

– И это говорите *вы*... – Оборвав фразу, смотрю через стеклянные двери на красные вспышки, которые привлекли мое внимание. – Что там такое?

Красные вспышки превратились в красную полосу. Теперь она красно-белая... Я смотрю во все глаза. Не может быть! Это *шапки Санта-Клауса*?

– Какого черта... – Алекс следует за направлением моего взгляда и смеется, не веря своим глазам. – Что это такое?

Мы переглядываемся, а потом одновременно направляемся к дверям, спеша на улицу, в морозный вечер. С открытым ртом мы, как дети, не можем оторваться от удивительного зрелища.

Около двухсот Санта-Клаусов на велосипедах заполнили улицу. Некоторые зажигают красные и белые огоньки, другие сигналият, а откуда-то доносится стократно усиленный динамиками голос Мэрайи Кэри. Это похоже на большую бродячую труппу Санта-Клаусов.

– Сумасшедший дом! – восклицает Алекс, не переставая смеяться.

– Присоединяйтесь! – призывает нас парень в шапке Санта-Клауса. – Берите велосипед и шапку! Присоединяйтесь! – Он манит нас пальцем. – Не бойтесь, станьте Сантой! – Мы с Алексом смотрим на него, потом снова переглядываемся.

– Пошли, – говорит Алекс. И мы переходим через дорогу – туда, где люди берут велосипеды напрокат.

– Двадцать фунтов за поездку, включая шапку Санта-Клауса! – кричит девушка, размахивая ведерком. – Присоединяйтесь! Все собранные деньги пойдут на детскую больницу Грейт-Ормонд-Стрит!

– Мы должны это сделать, – заявляет Алекс. – Почему бы нам не надеть шапки Санты и не проехаться на велосипеде по Лондону? Вы свободны?

Он встречается со мной взглядом, и у меня сладко замирает сердце.

– Да, я свободна. Давайте прокатимся!

Я невольно смеюсь над нелепостью всего происходящего вокруг нас. Люди присоединяются к толпе Санта-Клаусов и подпевают Мэрайе. Я вижу пару Санта-Клаусов, которые едут тандемом. А один парень выбрал себе «пенни и фартинг»¹⁰.

Вот почему я перебралась в Лондон, думаю я с ликованием. Ради этого.

– Плачу за нас обоих, – твердо произносит Алекс. – В последнее время я недостаточно делал для благотворительности, и ваш альтруизм меня пристыдил. – Он кладет в ведерко банкноту в пятьдесят фунтов, прежде чем я успеваю остановить его. Затем берет велосипед и передает его мне.

– Вот шапка Санты. – Девушка с ведерком надевает на меня шапку с помпоном, в котором горит огонек.

Я выкатываю велосипед и смотрю на Алекса. На нем тоже шапка с огоньками. Вокруг белой оторочки мерцают звездочки, так что у Алекса замечательный, совершенно ангельский вид.

– Спасибо, – говорю я, указывая на ведерко. – Вам не следовало это делать, но все равно спасибо.

– Не за что. – Он улыбается обезоруживающей улыбкой.

Мне хочется сказать что-нибудь еще – что-нибудь остроумное. Но на это нет времени: мы уже едем. Я сто лет не каталась на велосипеде, но ноги сами все вспоминают. Мы катим по улице вместе с толпой Санта-Клаусов, и нас всю дорогу сопровождают музыка и смех.

¹⁰ Старинный велосипед, у которого диаметр переднего колеса в пять раз больше диаметра заднего.

Это один из самых волшебных вечеров в моей жизни. Мы едем из Чизвика в Хаммерсмит, потом на Кенсингтон-Хай-стрит, где еще полно покупателей, мимо Альберт-холла. Затем Найтсбридж, где «Хэрродз» с его яркими огнями похож на сказочную страну, а в витринах магазинов выставлены рождественские товары. Мы проезжаем по Пикадилли, по Риджент-стрит, и я закидываю голову, чтобы взглянуть на праздничную иллюминацию над головой.

Вечерний воздух холодит щеки. Повсюду мелькают красно-белые шапки Санта-Клауса. Я слышу звон велосипедных клаксонов и вой автомобильных сирен, а велосипедисты подхватывают знакомые рождественские песни. Я никогда еще не ощущала такого подъема. Сейчас звучит песня «Рождество каждый день». Ах, как бы мне хотелось, чтобы так было каждый день! Ехать на велосипеде по Пикадилли-Серкус. Махать прохожим. Чувствовать, что я в Лондоне. И все время оглядываться, чтобы улыбнуться Алексу. На самом деле у нас мало шансов поговорить, но Алекс – всего в десяти ярдах от меня. И когда я оглядываюсь, то знаю, что в моих воспоминаниях будет звучать не «Я ездила на велосипеде вместе с Санта-Клаусами», а «Мы ездили на велосипеде с Санта-Клаусами».

На Лестер-сквер мы останавливаемся, чтобы выпить горячего шоколада в уличном ларьке. Я беру две чашки, подходит Алекс с велосипедом. На его лице – широкая улыбка.

– Привет! – говорю я, подавая ему чашку. – Разве не классно?

– Самый лучший способ путешествовать, – утверждает он и отпивает из чашки. – Очевидно, это конец официального маршрута. Мы все расстаемся, и каждый идет своим путем. В любом случае сейчас я должен кое с кем встретиться, чтобы выпить вместе. – Он бросает взгляд на свои часы. – Вообще-то, я уже опаздываю.

– А, хорошо... – говорю я, стараясь не выказать своего разочарования. Ведь я думала... надеялась, что мы могли бы продолжить...

Но это глупо. Конечно, у него назначена встреча с кем-то. Он успешный лондонец, у которого есть светская жизнь.

– Мне только нужно послать сообщение... им, – произносит он с рассеянным видом, доставая мобильник. – А вы? Куда вы направитесь?

– Домой, в Кэтфорд. С пересадкой в Ватерлоо. – Я заставляю себя вернуться к практическим вопросам. – Сейчас направлюсь туда, а затем сяду на поезд.

– У вас все будет о'кей?

– Замечательно! – отвечаю я с бодрым видом. – Еще раз спасибо. Это было грандиозно. – Я ставлю горячий шоколад на стойку. (Вообще-то, он чуть теплый и не очень вкусный.) – Так я пошла. Увидимся в офисе.

– Конечно. – Алекс вдруг о чем-то вспоминает: – А, нет, не увидимся. Завтра утром я уезжаю в Копенгаген.

– Копенгаген... – Я морщу лоб. – Деметра тоже туда едет. Конференция по дизайну, да?

– Да, верно, – кивает он. – Но я вас, конечно, еще увижу.

– Правда же, это было изумительно? – вырывается у меня.

– Изумительно. – Он снова кивает, и мы встречаемся взглядом.

С минуту никто из нас не произносит ни слова. Я даже не уверена, что дышу. Потом Алекс салютует мне, и я разворачиваю свой велосипед, собираясь отбыть. Вероятно, я могла бы еще немного продлить этот разговор, поболтать о велосипедах или еще о чем-нибудь... Но мне хочется уйти, пока вечер идеален.

А потом перемотать его и проигрывать в голове всю дорогу домой.

Глава 7

В данный момент жизнь напоминает сон. Хороший сон и дурной сон. Санты на велосипедах... Улыбка Алекса... Санта-Клаусы... поход с Флорой в Портобелло, намеченный на сегодня, – все это хороший сон. Рождественская вечеринка в офисе будет в понедельник. Я все время воображаю, как увижу там Алекса... на мне будет маленькое черное платье... мы болтаем... смеемся... он берет меня за руку, когда никто не смотрит... мы пьем шампанское... едем к нему домой...

Ну ладно, а теперь начистоту: мне в голову приходит *множество* других вариантов.

Итак, сейчас жизнь была бы близка к идеалу... если бы не дурные сны. А точнее: в четверг мой ноутбук приказал долго жить, и придется покупать новый. Это выбило меня из колеи.

Я все еще не могу поверить, что комп сломался. Его не смогли починить ни айтишники на работе, ни парень в мастерской. Он бился с ним целый час, а потом пожал плечами и сказал: «Спекся. Ну что же, вам все равно нужно было что-нибудь поновее». И я впала в панику.

Для дизайнерских проектов мне необходим компьютер, но у меня нет таких денег. Я действительно стеснена в средствах, и у меня тщательно спланированный бюджет. Каждый фунт на счету, и вышедший из строя ноутбук – финансовая катастрофа. Он пробил огромную брешь в моем бюджете, и когда я думаю об этом, то от ужаса покрываюсь холодным потом. Я так экономила. *Так экономила!* И вот вам пожалуйста... Это несправедливо.

Но сейчас не буду об этом думать. Впереди – прекрасный день с Флорой, и мы обойдем все лавки на рынке. И хотя я не смогу ничего купить, все о'кей. Ведь не в этом дело, правда? Главное – атмосфера. Чувство радости. Дружеские отношения.

Флора предложила встретиться у нее дома. Иду по ее улице, и у меня отвисает челюсть. Я считала крутым дом Деметры, но он ничто по сравнению с этими особняками. Лестницы парадного входа в два раза длиннее, чем у нее. И перед каждым домом – садик. Особняки побелены снаружи и напоминают свадебный пирог. Нахожу номер 32 и осторожно к нему присматриваюсь. Конечно, это не может быть дом Флоры. Возможно, это дом ее *родителей?*

– Привет. – Дверь распахивается, и на пороге появляется Флора, еще в халате. – Я увидела, как ты идешь. Прости, я безбожно проспала! Завтракать будешь?

Она ведет меня в холл, где полно мрамора и лилий. Горничная начищает перила. Потом мы спускаемся по стеклянной лестнице с нижней подсветкой в огромную кухню с бетонными рабочими поверхностями. И я понимаю, что у Флоры очень богатые родители. И очень крутые.

– Это... это дом твоих родителей? – спрашиваю я на всякий случай. – Он изумительный.

– Да, – равнодушно произносит Флора. – Хочешь смузи?

Она бросает в миксер «НутриБуллет» фрукты, затем семена чиа, органический имбирь и какой-то особый экстракт из морских водорослей. Я видела его в магазине – пакетик стоит три фунта.

– Пожалуйста!

Она передает мне стакан, и я жадно поглощаю содержимое. Мой завтрак состоял из чашки чая и овсянки с молоком – общая стоимость тридцать пенсов. Потом Флора хватается бумажный пакет, полный круассанов, и ведет меня из кухни.

– Пошли. Поможешь мне одеться.

Ее комната – на верхнем этаже дома, и при ней имеются ванная и гардеробная. Обои с рисунком из серебряных птиц, встроенные шкафы, антикварный письменный стол – и

повсюду ароматические свечи Diptyque. Куда ни кинь взгляд, увидишь что-нибудь роскошное. Но Флора, по-видимому, даже не замечает окружающую обстановку. Она вытаскивает из шкафа джинсы и чертыхается, потому что никак не может найти те, которые ей нужны.

– Значит, ты так и живешь тут после университета? – спрашиваю я. – И никогда не переезжала?

Флора в ужасе поднимает брови:

– Переезжать? Боже мой, нет! Я имею в виду, что никогда не смогла бы это себе позволить. Квартплата, еда, все такое... Кто же может это себе позволить? *Никто* из моих друзей не съезжал от родителей. Мы все собираемся жить дома до тридцати лет!

Я чувствую что-то вроде легкой зависти, а возможно – на какую-то долю секунды – даже ненависти, но не хочу себе в этом признаться.

Нет, я не ненавижу Флору. Конечно, нет. Но ей все так *легко* достается!

– А вот у меня нет родителей в Лондоне. – Я стараюсь изобразить бодрую улыбку. – Так что приходится снимать квартиру.

– Ах да. Ты же из Мидлендз¹¹, не так ли? Но у тебя нет акцента.

– На самом деле... – начинаю я, но Флора снова исчезает в гардеробной. Честно говоря, не думаю, что ее интересует, откуда я родом.

Я терпеливо жду, пока Флора подводит глаза. Затем она хватается сумку и с заразной улыбкой объявляет:

– Всё, я готова! Пошли за покупками!

Белокурые волосы уложены в высокую прическу; у Флоры – блестящие тени для глаз и шикарная дубленка. Словом, если бы сделать к Флоре подпись, это читалось бы так: «*Совершенно готова к веселью*». Мы, хихикая, сбегает по лестнице, и тут открывается дверь на третьем этаже.

– Дети! Вы разбудите папочку!

– Мапочка, мы *не дети*, – возражает Флора, надув губы.

На площадке появляется элегантная женщина. Это копия Флоры, только постарше и более худая. На ней балетки от «Шанель» и узкие джинсы. От женщины восхитительно пахнет.

– Это Кэт.

– Кэт! – Мать Флоры подает мне свою прохладную руку, потом снова поворачивается к Флоре: – Вы идете на Портобелло?

– Да. Будем покупать подарки! Только я немного поиздержалась. – Флора с заискивающим видом смотрит на мать. – И мне нужно что-нибудь купить для бабушки...

– Умница! – с умилением произносит мама Флоры. – Хорошо, посмотри в моей сумке. Возьми сотню. Но *не больше*, – строго добавляет она. – Ты всегда забираешь у меня все наличные.

– Спасибо, мамочка! – Флора чмокает маму в щечку и, пританцовывая, спускается по лестнице. – Пошли, Кэт!

Я поражена. *Сто фунтов*? Вот так просто? Я уже много лет не просила у папы денег. И никогда бы не попросила, даже если бы у него было полно наличных.

Наблюдаю, как Флора берет деньги из маминого кошелька, потом следую за ней по роскошной белой лестнице. Если ступени Деметры подходят для принцессы, то эти ступени годятся для королевы. Мне хочется сделать фотку, но это неудобно. Может быть, потом, когда я узнаю Флору получше...

¹¹ Центральные графства Англии.

Воздух бодрит, и я шагаю рядом с Флорой в приподнятом настроении. Это такой крутой район Лондона! Ряды домов пастельных тонов прелестны, они словно из книжки с картинками. Я все время останавливаюсь и снимаю для инстаграма.

– Итак, что ты хочешь купить? – интересуется Флора, когда мы сворачиваем за угол и направляемся к Портобелло, протискиваясь через толпы туристов.

– Не знаю! – смеюсь я. – Ничего особенного. Я просто посмотрю.

С удовольствием смотрю на бесконечные лавки, раскинувшиеся перед нами. Здесь есть все – от ожерелий до кашемировых шарфов, от винтажных камер до старинных тарелок. Я уже бывала в Портобелло, но не на Рождество. Сегодня здесь праздничная атмосфера: на фонарных столбах – рождественские украшения, а группа парней в хипстерских шапках поет а капелла рождественские гимны. Как бы бросая им вызов, из лавки, где продаются диски, доносятся рождественские песни. Тут есть ларьки с глинтвейном и ларьки со сладкими пирожками, и в воздухе вкусно пахнет свежеспеченными блинами.

Мне вдруг вспоминается, как мы пили глинтвейн с Алексом, и я ловлю себя на мысли: «О, будет ли это “наш напиток”?» Но я тут же переключаюсь на другое – так снимают иглу с виниловой пластинки. Уймись, Кэт! Глинтвейн? «Наш напиток»? Ты договоришься до того, что шапки Санты – «наш головной убор»!

Флора покупает для бабушки фарфорового слоника, а потом тащит меня в дизайнерский магазин, чтобы купить платье с блестками для офисной вечеринки. Я не собиралась ничего покупать, но оказывается, что некоторые цены не слишком устрашающие. Я вижу шерстяную шапку для папы всего за восемь фунтов, а потом вешалку с платьями по фунту, которые Флора находит «забавными». Покупаю вязаный кардиган. У другой лавочки мы обе примеряем дурацкие фетровые шляпы, и я все время фоткаю. Я ликую: ведь это та самая крутая лондонская жизнь, которую мне так хотелось вести!

Флора все утро с кем-то обменивается эсэмэсками. Когда мы останавливаемся у лавочки с зеркалами, она сердито косится на свой мобильник.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

– Нет... Да... – капризно тянет она и убирает телефон. – Мужчины.

– А, мужчины, – повторяю я, хотя и не понимаю, что она имеет в виду.

– У тебя сейчас кто-нибудь есть? – спрашивает она, и я чувствую волнение. Вообще-то ответ будет «нет», но перед моим внутренним взором возникают карусельные лошадки и пальцы Алекса, перебирающие мои волосы.

– Нет. Хотя есть один парень... – Встретившись взглядом с Флорой, я смеюсь от облегчения: теперь мне есть с кем поговорить. – Я уверена, что он мною не интересуется, но...

– Бьюсь об заклад, что интересуется! А какой он?

– О, знаешь, обалденный. Темные волосы. И татуировка, – добавляю я с легкой усмешкой.

Ну вот, это достаточно туманно и может подойти кому угодно.

– Татуировка! – У Флоры округляются глаза. – Вау! А где ты с ним встретилась?

– У одних знакомых, – говорю я неопределенно. – Знаешь, это вышло случайно.

– Ну и как, что-нибудь уже произошло? – Флора корчит такую уморительную рожицу, что я снова смеюсь.

– Ничего серьезного. Просто легкий флирт. – И я честно добавляю: – Вообще-то хотелось бы. А как насчет тебя?

– Я как бы встречаюсь с одним парнем по имени Энт. Только я думаю, что он решил со мной завязать. – У Флоры безутешный вид. – Он никогда не отвечает на мои сообщения...

– Они никогда не отвечают.

– Ты это знаешь, да? Неужели так трудно послать эсэмэску?

– Они думают, что, посылая эсэмэску, отдают часть своей души, – говорю я, и Флора хихикает.

– С тобой весело, – замечает она и берет меня под руку. – Я так рада, Кэт, что ты появилась в нашем офисе.

Мы молча идем несколько секунд, и я фотографирую лавочку, где продаются только сирены для винтажных автомобилей. Потом Флора с задумчивым видом поворачивается ко мне:

– Послушай, Кэт, мне нужно кое-что у тебя спросить. Ты знала, что мы регулярно встречаемся во время ланча по средам, чтобы вместе выпить? Я, Роза и Сара. В «Синем Медведе». Каждую неделю.

– Нет, не знала.

– Мы держим это в тайне – а то еще к нам заявится Деметра. – Флора корчит рожу. – Представляешь?

– Да уж, – киваю я.

– Так что туда нет свободного доступа. Это что-то вроде... – она подыскивает слова. – Что-то вроде клуба. Да. Особый маленький клуб.

– Ясно.

– И я прошу тебя присоединиться к нашему клубу. – Она стискивает мою руку. – Ну как? Ты согласна?

Я ощущаю радостное волнение. *Клуб*. Я даже не сознавала, насколько одинокой я была.

– Конечно! – отвечаю я, просяив. – Запиши меня в члены клуба!

Придется пересмотреть свой бюджет: ведь я должна буду каждую среду в свою очередь всех угощать. Но оно того стоит.

– Круто! Мы возобновим наши встречи после Рождества. Я дам тебе знать. Только ни в коем случае не говори Деметре.

– Договорились! Обещаю!

Я собираюсь спросить, где находится «Синий Медведь», но тут Флора громко вскрикивает:

– О господи!

– Крошка! – Высокий темноволосый парень в шляпе-трилби, появившийся ниоткуда, обхватил Флору сзади. – Твоя мама сказала, что ты здесь.

– Я же посылала тебе эсэмэски! – с укоризной говорит Флора. – Ты должен был ответить.

Парень пожимает плечами, а Флора подталкивает его и хихикает. Может быть, я должна незаметно исчезнуть? Но она хватает меня за руку и объявляет:

– Это Кэт. Кэт, это Энт. – Она очаровательно надувает губки. – А поскольку ты такой негодник, Энт, то *ты* платишь за ланч.

Энт с добродушным видом закатывает глаза и поспешно говорит:

– Вообще-то, мне нужно идти.

– Нет, пошли с нами!

Флора берет под руки Энта и меня и тащит через дорогу, в «Баттерфляй Бейкери». Я читала об этом кафе в миллионе блогов. Интерьер там в розовую и белую полоску, и повсюду с потолка свисают бумажные бабочки.

Мы вешаем пальто на белые деревянные крюки у двери, потом Флора раздает нам подносы с цветочным узором и командует:

– Эти маффины с тыквой очень вкусные. А флапджеки¹² – просто объедение... И нам всем надо взять по салату... Эта имбирная наливка *изумительная*... – Нагрузив каждый поднос, она объявляет: – Энт, вставай в очередь – а мы займем столик. Пошли, Кэт.

Она ведет меня через зал к нише, где какая-то парочка как раз встает из-за стола. Мы садимся, и Флора ворчит:

– Здесь так много народу! – Затем, вынув свое платье в блестках, она любовно его разглядывает. – А ты что наденешь на рождественскую вечеринку?

– Маленькое черное платье, – отвечаю я. – Оно проверено.

Флора кивает:

– Хороший выбор. В прошлом году Деметра была в таком коротком платье, что было видно белье. Кого она хочет обмануть? Даже если у тебя есть молодой любовник, это не значит, что ты вдруг станешь на двадцать лет моложе. Она просто старая карга. Сейчас я покажу тебе фото, и ты увидишь, как она выглядела.

– Молодой любовник? – переспрашиваю я, заинтересовавшись.

– Ты его знаешь. – Флора просматривает фотографии в своем телефоне. – Алекс Эсталис.

До меня не сразу доходит.

– Алекс Эсталис? – тупо повторяю я.

– Ну, тот парень, с которым ты встретилась.

– Ты имеешь в виду...

– Деметра и Алекс? Боже, ну конечно. – Флора кивает. – У них давно связь, и они даже не скрывают.

У меня ком в горле, и я едва могу говорить.

– Откуда... откуда ты знаешь?

– Все знают, – отвечает она. – Тебе же известно, что много лет назад Деметра была боссом Алекса? Наверное, их страсть так и бурлила. Мне сказал Марк – он тогда знал их. А теперь Алекс – босс Деметры. Странно, правда?

Я киваю. Мне видится молодая Деметра... совсем юный Алекс... бурлящая страсть...

Итак, я снова очутилась в царстве дурных снов.

– Деметра тогда уже была замужем, – продолжает Флора. – Но, полагаю, она не хотела разводиться... Во всяком случае, вот почему она попала в «Купер Клеммоу». Когда Алекс стал партнером Адриана, он сразу же ее привел. Это просто неприлично. Посмотри, вот она. Отвратительный у нее тут вид, согласишься?

Она протягивает мне свой мобильник, демонстрируя фото Деметры, которая стоит в мини возле ледяной скульптуры. Но я его едва вижу. Меня слегка знобит, и я совершенно убита. Чувствую себя непроходимой дурой. Теперь все представляется таким очевидным. Я вижу их вместе. Оба гибкие. Оба умные. Оба успешные. Ну *конечно*, они любовники!

И вдруг до меня доходит: так вот почему они оба в Копенгагене! Я так и вижу их в номере роскошного отеля. Они занимаются сексом в какой-то невероятной позиции, которую не знает никто, кроме Деметры: ведь она первой на планете все узнаёт!

Я все еще держу в руке мобильник Флоры, бессмысленно в него таращусь, а мои мысли далеко. У Деметры же действительно есть *все*? Да, черт бы ее побрал, у нее есть все. Работа, дом, муж, дети, краски самых модных оттенков – и *Алекс*. Ведь если ты Деметра, то преданного мужа недостаточно. Нужен еще и любовник. Сексуальный, натуральный, *органический* любовник.

¹² Горячие блинчики со сладким сиропом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.